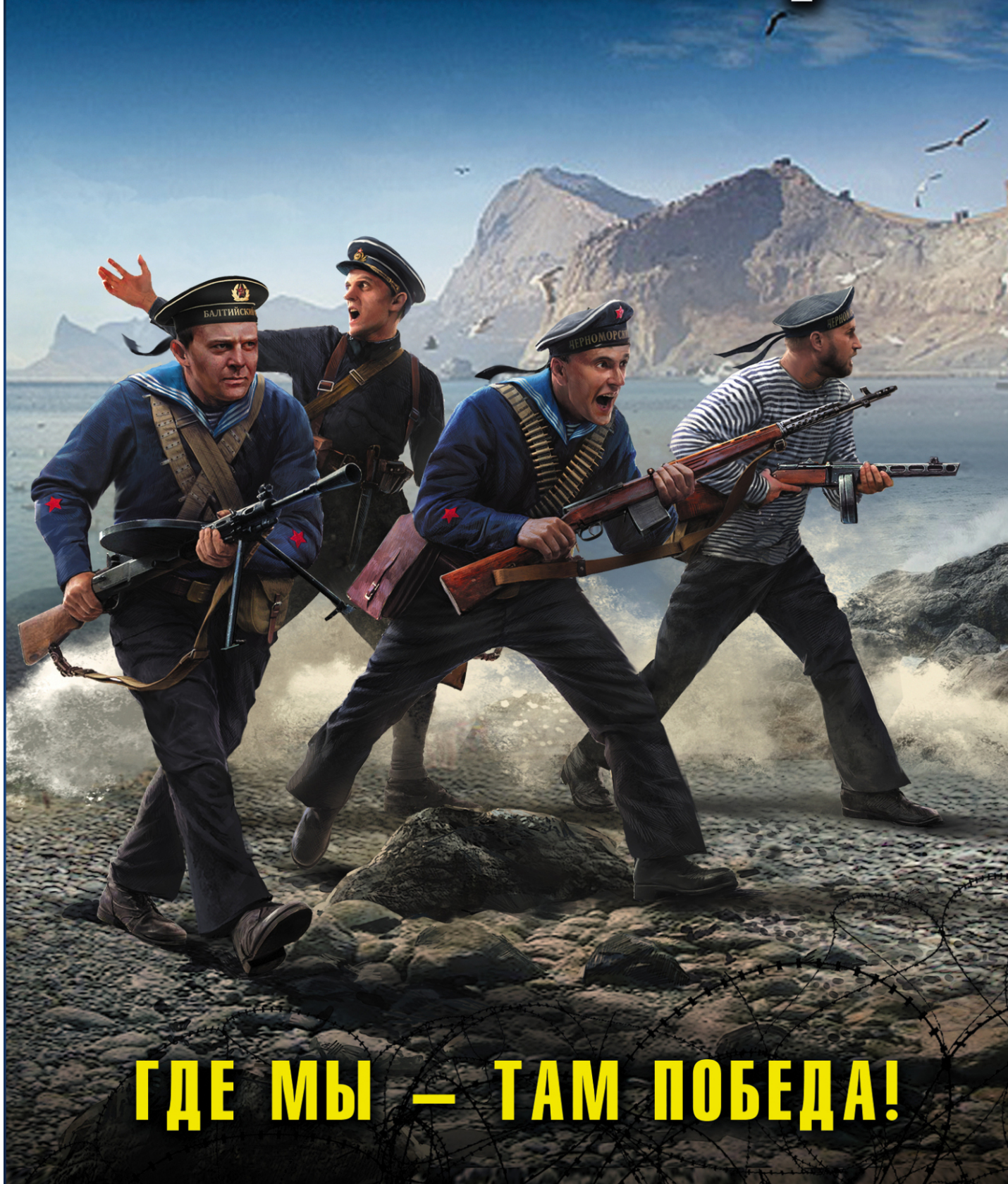

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Георгий КРОЛ

КОРРЕКТИРОВЩИК

ГДЕ МЫ — ТАМ ПОБЕДА!

Военно-историческая фантастика

Георгий Крол

**Корректировщик.
Где мы – там победа!**

«Махров»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крол Г.

Корректировщик. Где мы – там победа! / Г. Крол — «Махров»,
2021 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-04-122848-4

Заключительная часть цикла, начатого романами «Корректировщик. Блицкрига не будет!» и «Корректировщик. Остановить прорыв!». Егор Доценко и его помощники из будущего практически справились с задачей: немецкий Восточный фронт трещит по швам. Но приблизить победу еще на несколько месяцев, изменить ход еще нескольких операций – значит сохранить сотни тысяч жизней. И в страшную игру под названием «война» вступает Сергей Яковлев по прозвищу Юл, офицер морской пехоты Российской Федерации. Сергей примет участие в отчаянных десантах советского флота и внесет посильную лепту в захват Констанцы и Бургаса, Босфора и Дарданелл, Генхолма, Датских проливов и Пенемюнде. Поможет ли его вклад в общее дело досрочно закончить войну и окончательно изменить историю Советского Союза?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-122848-4

© Крол Г., 2021
© Махров, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Георгий Крол

Корректировщик. Где мы – там победа!

*...Уже б ходили в школу наши внуки,
Мой милый, если б не было войны...*

Игорь Шаферан

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

© Крол Г., 2021

© ООО «Издательство «Яуза», 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Отзвучали приказы командира по корабельной связи. Парадная форма, аккуратно сложенная, легла на свое место в рундуках. Команда заняла посты по походному расписанию. А для сводной роты морских пехотинцев наступил ожидаемый, но все равно приятный выходной. Целых пять часов до отбоя, а потом еще восемь до подъема. Можно почитать книгу в корабельной библиотеке или побренчать на гитаре в красном уголке. Можно даже, что вообще неслыханно, посидеть, да что там, поваляться на койке в кубрике.

И ничего, что февраль не самый спокойный месяц в акватории Черного моря. Ну, покачивается, так это даже к лучшему. Иначе находиться в кубриках было бы можно, а вот сидеть и лежать на койках уже нельзя. А так – на палубу выходить не запрещено, но и не рекомендуется. Одним словом – лафа! Для меня так вообще подарок небес. Завтра, когда БДК вернется на главную базу и отшвартуется у стенки, я сойду на берег, получу в штабе ОВРа документы и отправлюсь в Ленинград, где немедленно приступлю к учебе. Ведь я не просто сержант морской пехоты. Я – курсант выпускного курса Ленинградского высшего общевойскового командного училища им. С. М. Кирова.

Если подумать, этот последний год складывается для меня очень странно. Началось с практики. После первых двух курсов я ее проходил, как и все, на Балтике. А вот после третьего неожиданно повезло, и я попал именно туда, куда рвался – на Черноморский флот. Почему-то оттуда затребовали человека с хорошей парашютной подготовкой, а я, по примеру Кита, этим делом увлекался. Кит – это Никита Дубинин, мой старший товарищ, можно даже сказать брат – мы ведь с ним детдомовцы. Он как раз летом закончил Киевское ВОКУ.

Мы собирались встретиться во время отпуска, но не срослось. А все почему... Направили меня на должность замкомвзвода в десантно-штурмовой батальон 810-й бригады морской пехоты. Срок практики – две недели. Десять дней все идет обычно – разводы, занятия и так далее. А потом ночью батальон поднимают по тревоге, порт, погрузка – и мы уходим в поход. Через трое суток, уже в Средиземном море, на меня наткнулся комиссар бригады. Шороху было – жуть. Всех офицеров, от взводного до комбата, вызвали «на ковер». Вопрос один – как проморгали?

Ладно, тревога, погрузка – не до того было. Но ведь до Босфора еще была возможность отправить меня назад. А теперь? Как выразился комиссар:

– Пацан, трах-тибидох... через якорь, сейчас должен в отпуск собираться. Мамку, б... табидох, радовать, с батей водку пить. А он тут болтается, как не... рукав!

Ну, тут я влез. Руку к берету и докладываю, что я детдомовский и мне на учениях гораздо интереснее, чем в отпуске. Полковник замолчал, подумал и, уже остывая, поинтересовался:

– В училище хоть сообщили?

Комбат тут же доложил, что телеграмма готова, собирались подписать у начальства и отправить. На том и порешили. И я почти три месяца ходил в средиземке. Здорово было. Куда мы только не высаживались, даже на Крит! В процессе совместных учений, разумеется. В училище прибыл в октябре, и уж там гоняли так, что головы не поднять. Выпускной курс как-никак. Но комиссар бригады, как оказалось, меня запомнил. В январе пришел запрос на мое участие в новом походе – на Констанцу. Героический, хотя и неудачный, десант, отмечается каждый год. Как ни странно, начальник училища дал добро. Так я здесь и оказался. В программу входило все: и высадка десанта, и парад, и показательные выступления морпехов. В смысле рукопашный бой. Всего-то неделя, но устали все как сто чертей.

Что-то я сегодня ударился в воспоминания. В библиотеку не пошел, спустился в кубрик, думал, может, хоть выплусь. Ага, щаз! Стоило лечь, в голову полезла вообще полная ерунда. Точнее, не ерунда, а совсем уж детские воспоминания. Например, почему друзья зовут меня

не Сергей, а Юл. Между прочим, наша воспитательница постаралась, Мария Витальевна. В первом классе мы тогда учились. Вот через месяц она и назвала меня Юлом. И тут же пояснила: с одной стороны, я, как Юлий Цезарь – могу делать много дел одновременно. Но с другой – постоянно верчусь, как заведенный. Вот и буду теперь Юл. Наполовину Цезарь, наполовину юла. Так и приклеилось.

Потом, совсем уж не понятно почему, вспомнилась летняя поездка в Очаков. Вообще-то наш детдом лагерями не баловали. Все-таки мы были вроде как научно-исследовательское заведение. Хотя это и было жутко засекречено. Снилось нам всякое непонятное. Кому больше, кому меньше, но всем. А еще у нас всех были имя, отчество и фамилия, были дни рождения, но вот родителей не было. Вообще не было, нас находили в разных городах в течение нескольких лет. Прямо вот так – младенец, записка, можно сказать бирка, с данными, и все, больше никаких следов.

Пока мы были маленькие, то считали, что это так и должно быть. Потом, когда подросли, стали понимать, что у других есть какие-то «родители». И только в пятом классе мы их, родителей то есть, увидели. У одноклассников. Мне, кстати, и тут «повезло». Всех детдомовских одного возраста, а нас было одиннадцать, должны были записать в один класс. Но я, Сергей Яковлев, оказался в списке учеников двадцать шестым, а «...больше 25 не положено». Вот меня и определили в параллельный. В принципе я и не возражал, все равно в школу мы с ребятами шли вместе, из школы тоже.

Только через неделю Мария Витальевна обнаружила данный факт, когда проверяла дневники. У всех был 5А, а у меня 5Б. Был небольшой скандал, но дирекция школы настояла на своем. Особо светить нашу необычность не хотели, так все и осталось. Только вот близких друзей у меня так и нет. Одноклассники не сторонились, но и близко особо не подпускали, а наши – они скорее братья и сестры, а не друзья. Разве что Никита слегка выделялся, но это скорее сходство интересов – я тоже быстро понял, что мое место в армии.

Так вот! Особо нас в лагерь не возили, но после пятого класса как-то пробили поездку в Очаков. Там, возле городского пионерлагеря, выделили место. Много ли надо, если весь детдом – 27 детей плюс воспитатели. Что я хорошо помню? Как мы собирали палатки. Большие, на десять человек каждая. И они были ОЧЕНЬ старые. Пришлось натягивать три-четыре палатки на один каркас, чтобы хоть больших дыр не было. Еще в памяти отложилось, что на нашей территории росли акации. Уж не знаю, что за вид, но у них были огромные и очень твердые шипы. Сантиметров по пятнадцать в длину, а то и больше.

Вот мы эти иглы отламывали у основания веток, забивали в трубки, оставшиеся от лишних каркасов, и играли в индейцев. Как глаза друг другу не привыкали – не знаю. Мария Витальевна собралась эти «копья» отобрать, но до отбоя не успела, а ночью на наши палатки устроили налет соседи. Ну, пацаны из пионерлагеря. Их было раза в четыре больше, но против наших копий они не устояли. Утром наше прошедшее «боевое крещение» оружие все равно отобрали. А с «соседями» началась тихая война на море. Их пацаны подныривали и сдергивали с нас плавки. На наших девчонках развязывали купальники. А еще кидались медузами. Они на очаковских пляжах были мелкие, но все равно противные.

За своих девочек мы им рожи били, если удавалось этих «ныряльщиков» поймать. На медуз и сдергивание плавок отвечали по мере сил тем же, только девчонок не трогали принципиально. Через неделю примерно мы помирились. Даже позднее ходили к ним кино смотреть. Еще из тех каникул запомнилось, что нас возили на остров Березань и в Измаил. На острове Березань до революции расстреляли лейтенанта Шмидта. А на подходе к Измаилу я впервые увидел, как на берег вылетают странные катера с огромным пропеллером на корме, и из них выпрыгивают бойцы в черной форме. Большие корабли стоят на рейде. Они выпускают через распахнутые аппарели танки и бронетранспортеры с якорем на броне, и те плывут к земле.

Нет, это совсем никуда не годится. Из-за этих воспоминаний меня даже укачивать начинает, чего не было никогда. Надо подняться на палубу. Шторма нет, так, волнение, балла три, наверное, ничего опасного. Подышу морским воздухом, он меня всегда успокаивает. Ветер и соленые брызги – это куда лучше любых «капель датского короля». Коридоры на БДК всегда ярко освещены, поэтому, когда я шагнул через комингс на палубу, то в первые секунды ничего не видел. А потом меня попросту вышвырнуло за борт.

Сознание я потерял всего на несколько мгновений, но действовал все равно на чистом автомате. В первую очередь отплыть немного в сторону, чтобы не затянуло под винты. Потом скинуть враз отяжелевшие бушлат, брюки и высокие ботинки. С этим я справился, тренировали нас хорошо. Теперь вынырнуть. Легкие уже немного жгло, когда я выскочил на поверхность. И почти сразу удар. Невдалеке взметнулся столб воды. Это что, обстрел? Снова взрыв, на этот раз ближе, и тонны воды на голову. И еще, и еще, хорошо, что теперь чуть подальше. Вот влип! Да кто вообще может нас обстреливать в Черном море?

Откуда-то слева от меня раздался тяжелый гул. И как будто пробились пробки в ушах, столько звуков навалилось сразу. Сам звук хоть и со скрипом, но мозг опознал, как залп орудий главного калибра. А еще я начал различать пальбу береговых батарей, выстрелы корабельных орудий и вполне различимый треск автоматов, пулеметов и винтовок. Звуки в принципе были знакомые, но что-то в них мне здорово мешало. Кроме, разумеется, самого факта, что где-то милях в десяти от меня на берегу идет бой.

Справа, над чуть более темной полосой, начали появляться отсветы. Значит, там берег и на нем разгораются пожары. Соответственно слева находятся корабли эскадры, понять бы какой. И вот интересно, кто мог напасть на Констанцу? И где, в таком случае, наши корабли? Ведут бой с неизвестными? По звуку непохоже. Ничего не понимаю. Главное, что обидно, я ведь уже минут пять, а то и все семь тут бултыхаюсь, а помощи нет. Вахтенные сигнальщики совсем от рук отбились? Человека выбросило за борт, и никто не заметил? А, кстати, где вообще мой БДК? Не мог же он за пару минут отойти настолько далеко, что я его не вижу и не слышу?

Эти вопросы натолкнули меня еще на одну загадку. И от нее мне стало как-то СОВСЕМ не по себе. Сейчас ведь должен быть февраль, так? Значит, температура воды должна быть близка к нулю. Да и воздух, если правильно помню – 10. А я не мерзну. Вот совсем не мерзну, хотя должен. Эта мысль привела к осознанию еще одной непонятности. Звук боя мне знаком. Точно, знаком! Но не по учениям, а... по кинохронике. По тем кадрам, которые я смотрел не далее как два дня назад. Десант на Констанцу, февраль 1943 года. Ничего себе! Тут что, кино снимают? Было бы очень здорово, если так. Только что-то внутри упорно отказывалось в это верить. Не могли мы не заметить приготовлений к таким съемкам. Да и не начали бы их, пока наша группа кораблей находится в данной акватории.

В темноте появились темные силуэты. Судя по звуку, приближаются корабли. И опять что-то не так, звук странный. Вроде бы я его знаю, но опознать не могу. Судов много, не попасть бы под винты. Кричать в этом шуме бесполезно, не услышат. Зато могут увидеть, бывают же люди с кошачьим зрением? Увидели! Рядом со мной в воду плюхается конец. Я вцепляюсь в него, и меня вытягивают на борт. Вокруг толпа народу, все обвешаны оружием, у многих в ногах какие-то ящики. Видимо, боеприпасы. Мне на плечи накидывают бушлат, что-то спрашивают. Слышу только со второго раза:

– Браток, еще кто-нибудь есть в воде?

Качаю головой, потом соображаю, что меня не видят, хрипло отвечаю:

– Нет. Меня за борт выкинуло, ударило чем-то.

Тот же голос говорит:

– Ну и молодец, что не утонул. Значит, не растерялся. А шмотье и оружие найдем.

Договорить он не успевает. Вокруг начинают падать снаряды, и один из первых пробивает палубу в районе бака. Взрыв вышвыривает нас за борт и через несколько минут на месте катера, я так не успел понять какого, только головы плавающих людей. И их быстро становится все меньше, обмундирование и оружие тянут на дно, а тут еще продолжается обстрел, да и контужены практически все.

Когда появляется очередной темный силуэт, на этот раз со стороны берега, нас остается всего человек пять. Мой спаситель, узнаю по голосу, тоже жив и зычно командует:

– А ну, братва, поплыли! Нечего тут морские ванны принимать, нам на берегу дело найдется.

Мы почти у цели, когда прямо возле правого борта катера вздымается фонтан воды. Корму выбрасывает вверх, двигатели умолкают. Что совершенно неожиданно – нас замечают и сбрасывают несколько концов с борта. Выбираться, правда, приходится самим, на тральщике, именно так его опознал мой безымянный знакомый, дела плохи.

Выбравшись на палубу, мы стараемся убраться с пути работающей команды. Пробегающий мимо старшина отправляет нас на носовой мостик, чтоб не путались под ногами. И вот, сидя там, мы смотрим и слушаем. Из звуков преобладает скрежет рвущегося металла. Часть палубы деформирована, по ней да и по бортам идут трещины. Их ширина кое-где до метра, и трещины спускаются ниже ватерлинии. На мостик один за другим поступают доклады:

– Затопливает кормовое машинное отделение и второй кубрик. Ведем борьбу за живучесть. Докладывает командир БЧ-5.

– Добро. – Это командир.

– Докладывает БЧ-5. Доступ воды в машинное отделение прекращен.

– Ремонт проводки выполнен, подача электричества восстановлена, – докладывает электрик.

– Добро, запустить помпы. – Это снова командир.

– Затоплено румпельное отделение и кормовой артогреб. Крен 6 градусов на правый борт. Сильный дифферент на корму. Просело перо руля. Скручен правый промежуточный вал.

Доклады следуют один за другим. Тральщик все больше набирает воду. Командир отдает команды спокойно и четко:

– Откачать 30 тонн солянки из баков правого борта, выправить крен.

– Завести тросы через носовые и кормовые кнехты для стягивания корпуса.

– Сбросить за борт минно-траловое оборудование и глубинные бомбы для устранения дифферента на корму.

– Завести пластырь в район 77-го шпангоута.

Команда работает как один организм. Я не совсем моряк, но учебные фильмы видел, так что могу себе представить, что приходится вытворять со своими телами матросам. Вода бьет из трещин и мелких отверстий. Приходится выворачиваться под немыслимыми углами, чтобы достать и законопатить их. Кое-где пробоины затыкают собой, пока товарищи заводят пластырь. И происходит чудо. Обреченный катер медленно возвращается к жизни. На мостик поступают доклады:

– Доступ воды прекращен, все водоотливные средства задействованы.

– Крен выровнен, дифферент уменьшен наполовину.

– Правый дизель остановлен, левый готов к работе. Можем дать ход восемь узлов.

– Добро! – снова говорит командир. – Благодарю экипаж за проявленный героизм. Машина, малый вперед! Рулевой, разворачиваемся, курс на Констанцу.

В общем, ясно. С такими повреждениями до Севастополя не дойти. Значит, вернуться в порт и там или сойти на берег и присоединиться к десанту, или, если обстановка позволит, попытаться отремонтироваться. Только я-то точно знаю, что никакого ремонта не выйдет. Сидя на крыле ходового мостика возле задравшего ствол к небу крупнокалиберного пулемета, я

четко понимаю, что провалился в прошлое. Я находился на катере с десантом, когда он пошел на дно. Я видел, как тонули обвешанные оружием люди, а значит, это никак не съемки. И тогда остается только один вариант! Я попал в... А собственно куда?

Сейчас явно не зима. Судя по температуре воздуха – конец августа или начало сентября. Но командир ясно сказал: «...курс на Констанцу...» И? Мне нужна информация, причем срочно. Я толкаю локтем своего спасителя:

– Браток, а мы где?

В ответ хмыканье, а потом бодро понимающее:

– А, ну да. Тебя же дважды за полчаса топили. Неудивительно, что в голове каша. Мы на тральщике. Судя по всему, из первого дивизиона, они впереди шли, проходы расчищали. Потом должны были вернуться и принять на борт десант. Да вот не дошли.

– Слушай, браток, у меня в голове полный аврал. Это десант на Констанцу, так?

– Во! Правильно помнишь.

– А число сегодня какое?

Собеседник хмыкает. Глаза понемногу привыкают к темноте, и я уже различаю коренастую фигуру. Даже, кажется, усы разглядел.

– Здорово тебя приложило. Число – восьмое сентября. Год – сорок второй. Имя свое помнишь?

– Сергей Яковлев.

– Вот и ладненько. А меня все Палычем зовут. Будем знакомы.

Он сует мне широкую, шероховатую, как наждак, ладонь. Я машинально отвечаю на рукопожатие, а в голове полный бедлам. Ё-мое! Десант на пять месяцев раньше! Так, вспоминаем. Палыч сказал, что мы на тральщике из первого дивизиона. Значит, в целом все повторяется, хотя и с опережением. Тогда есть ударная группа из линкора «Севастополь» (бывший «Парижская комунна») и крейсеров «Ворошилов» и «Молотов». Плюс дивизион эсминцев в составе трех лидеров: «Харьков», «Москва» и «Ташкент» и трех эскадренных миноносцев: «Смышленный», «Сообразительный» и «Железняков». Плюс два дивизиона тральщиков, морские охотники и флотилия барж и сейнеров, используемых для доставки десанта.

В качестве десанта на борту находилась 8-я бригада морской пехоты плюс части усиления. Около четырех тысяч человек, включая приданных артиллеристов и минометчиков. Задача десанта – захватить Констанцу и удерживать город и порт, обеспечив выгрузку подкреплений с тяжелой техникой. После этого должен был последовать удар в тыл отступающим румынским частям. Попутно немцев собирались посадить на скудный нефтяной паек. Операция намечалась выдающаяся. И сил собрали много. Проблема была только в одном – разведка! Тут был полный провал.

На то, что порт, кроме минных заграждений, прикрывают аж пять батарей, хотя и частично устаревших, командование флота внимание обратило. Корабельные орудия и морские пехотинцы с этим справились, хоть и не сразу. А вот о немецкой 280-мм батарее «Тирпиц», построенной к весне 1941-го и оборудованной по последнему слову техники, сведения были неверные от слова совсем! Настоящее место расположения так и не выяснили. Более того, за «Тирпиц» приняли строящуюся зенитную батарею, что добавило неразберихи, когда на нее наравлась авиагруппа поддержки десанта. Это были самые большие потери среди бомбардировщиков за всю войну.

Да и 280-мм орудия отработали спокойно и без помех, как на учениях. Может, и нас сейчас накрыли именно они, кто знает. Но главное даже и не в этом. Два румынских эсминца, половина экипажей которых оказалась на берегу, весь штурм простояли в восьми милях к югу без единого выстрела. Зато в порту находился десяток различных быстроходных десантных барж и две немецкие подводные лодки типа II. Одна в темноте наскочила на пирс, получила сильные повреждения и была оставлена командой. Вторая успешно вышла в море и торпеди-

ровала линкор. В цель попали все три торпеды первого залпа. Корпус «Севастополя» переломился пополам. Погибла почти вся команда, около тысячи десантников, много артиллерии и боеприпасов. Лодка успела дозарядить два аппарата и атаковала крейсер «Молотов». Эту атаку заметили со «Смышленного». Поняв, что крейсер, еще не начинавший выгрузку десанта, не успевает уйти с директрисы, командир эсминца подставил свой борт.

Огнем береговых батарей были повреждены более 60 % малых судов, обеспечивавших высадку десанта. Как результат – на берег из четырех тысяч высадилось чуть больше одной. Причем почти без артиллерии. Десант сумел уничтожить береговые батареи румын, но так и не узнал про «Тирпиц». Были уничтожены также нефтехранилища и их оборудование. Через четверо суток оставшихся в живых морских пехотинцев сняли с катера. Десант запомнили как героический, но крайне неудачный. Потеря линкора и одного из новейших эсминцев, повреждения на лидере «Москва», потери среди малых кораблей сильно ударили по возможностям Черноморского флота. Как и потеря двух третей личного состава десанта.

Я потряс головой, укладывая всю мгновенно всплывшую информацию. И что теперь с ней делать? Я посмотрел на берег. Приближался рассвет, очертания мола и пирсов уже достаточно четко выделялись на фоне пожаров. А если так!

– Перископ справа по борту!

На мой крик среагировали все. Мой сосед кинулся к пулемету, начало разворачиваться 100-мм носовое орудие. Над всем этим раздался спокойный голос:

– Кто кричал?

К нам подошел высокий человек в кожаном реглане и фуражке.

– Сержант Яковлев. Примерно в трех кабельтовых по правому борту наблюдал белый след от перископа.

Командир оглядел нашу компанию. Ну да, на мне трусы и тельник, на остальных плюс-минус то же самое. Только мой спаситель в брюках, хотя и босиком. А офицер посмотрел в указанную мной сторону.

– Еще кто-нибудь видел?

Все промолчали. Он еще некоторое время смотрел на меня и подошел к переговорной трубе.

– Что у нас со связью?

– Есть, товарищ командир.

– Передайте: замечен след перископа, координаты... Возможно нахождение подлодок противника в районе действий ударной группы.

Он снова осмотрел нас и крикнул вниз:

– Боцман!

– Есть боцман.

– Спасенных обмундировать и вооружить. Через сорок минут подойдем к берегу.

– Есть, понял.

И вдруг доклад сигнальщика, вот это чудо так чудо:

– Слева по курсу вижу вспышки!

– Определить можешь?

– Похоже на тяжелую батарею, товарищ командир.

Нет, такой случай упускать нельзя.

– Товарищ командир, я случайно слышал у разведчиков, что вроде бы в нескольких километрах к югу от порта немцы строили батарею. Какую-то секретную, румын туда вообще не пускали. Может, это она? Все внимание сейчас сосредоточено на районе высадки. Эту батарею никто, кроме нас, похоже, не засек. Предлагаю высадиться как можно ближе и попытаться вывести ее из строя. Или хотя бы скорректировать огонь. Ведь если она нащупает линкор...

Командир хмыкнул:

- Вы, товарищ сержант, чем командовали?
- Отделением. Командира взвода заменял пару раз. Но не в бою.
- А планы строите, как Наполеон.
- Никак нет, как Цезарь.

Капитан поперхнулся:

- Как кто?

– Цезарь. Меня во взводе прозвали Юл: за все хватаюсь, как Цезарь, и верчусь, как юла. Вот и планы... соответствующие.

Да, загнул так загнул. Командир слова растерял от моей наглости. Спасение появилось с боцманом, притащившим кипу брюк, бушлатов и обуви.

– Вот, товарищ командир, что нашли. Оно, наверное, не по размеру, но все лучше, чем под огонь с голым задом.

Каплей посмотрел на боцмана, на нас, на берег и повернулся к рубке:

– Радиogramму на линкор. Обнаружена тяжелая батарея противника. Координаты засекли? Молодцы, передавайте.

И снова боцману:

– Раздать команде оружие. Всем, не занятым в поддержании хода, собраться здесь. Пусть их морские пехотинцы проинструктируют.

- Есть, понял.

Боцман умчался вниз, командир направился в ходовую рубку, а мы принялись разбирать одежду. Брюки были коротковаты, но это ерунда. Бушлат оказался по размеру. А с обувью просто повезло. На мой, с натяжкой 41-й размер, были сапоги, которые больше ни на кого не налезли. Я наконец почувствовал себя нормально. А то действительно, в трусах среди одетых людей чувствуется дискомфорт. Потом боцман притащил несколько винтовок и автомат. «ППС» отдали мне, похоже, я всех впечатлил широтой знаний.

Катер начал забира́ть влево. Или командир прислушался к моим словам, или что-то увидел. Оказалось, второе. Прямо перед нами возникла приземистая посудина. Глазастый у них наблюдатель. Нас сумел заметить, теперь вот этот аппарат углядел. Хотя уже практически рассвело, и видимость получше, а все равно молодец. Поначалу я решил, что баржа брошена. Она ведь буксируемая, а других кораблей рядом нет. Но всех ждал сюрприз. Едва мы подошли поближе, над бортом поднялся человек.

- На тральщике, прошу взять на буксир.

Командир скомандовал: «Стоп машина!» – и перегнулся с мостика.

- Что на борту?

- Два орудия, три миномета и боеприпасы к ним.

Ничего себе. Там, на берегу, каждая граната на вес золота, а тут артиллерия с боекомплектom посреди моря болтается. Одна проблема: нам бы самим до берега доковылять при наших повреждениях. Командир стоял молча. Главстаршина, разглядев, в каком мы состоянии, тоже сник. Командир не хотел бросать ценный груз и лихорадочно искал выход. А пока спросил:

- Что произошло?

– Под обстрел попали. Осколками минометчиков, что на баке сидели, побило, перебило буксировочный трос, да еще один из ящиков загорелся. Пока тушил – сейнер ушел.

- Фамилию командира сейнера знаешь?

– Никак нет, товарищ старший лейтенант. Только он из гражданских, к обстрелу непривычный, вот и запаниковал. А так нормальный командир.

Время поджигает, и я вижу, как командир собирается с силами, чтобы отдать приказ старшине покинуть баржу. А я вспоминаю старый, читанный в подростковом возрасте рассказ.

- Товарищ старший лейтенант, разрешите?

Командир смотрит на меня:

– Что у вас, сержант?

– Я читал рассказ о китобоях. Там судно получило пробоину, и чтобы выправить крен, к борту привязали загарпуненного раньше кита.

Командир несколько минут молчал, глядя сквозь меня. А потом круто развернулся и начал командовать. Мы, пятеро спасенных, перешли на баржу и помогли команде найтовить ее к борту. В ход пошло все, что могло служить крепежом, и через полчаса мы были готовы. Старший лейтенант снова встал на мостик.

– Малый вперед.

Катер задрожал, корпус скрипел все сильнее и сильнее. Мне казалось, что я вижу, как натягивается металл обшивки, как утончаются тросы, готовые лопнуть от напряжения. И наконец мы медленно двинулись к уже хорошо видимому берегу.

– Полный вперед.

И через паузу:

– Дайте всю скорость, которую сможете.

Не знаю, как они это сделали, но матросы из БЧ-5 выжали из разбитого дизеля почти пять узлов. И это с баржей, намертво принайтованной к борту. Берег медленно, но приближался. Однако раньше, чем мы добрались до цели, случилось два события. Сначала по левому борту опять замелькали вспышки. Это «Тирпиц» снова дал залп. Над нашими головами зашелестели снаряды, но тут воздух снова вздрогнул. Башни главного калибра «Севастополя» ответили.

Там, где только что мелькали вспышки выстрелов, загремели взрывы. Один, второй, третий. А потом грохнуло так, что тральщик вместе с баржей качнуло. На берегу встал огромный столб огня, дыма и пыли. Или я сплю, или один из 305-мм снарядов угодил в бункер с боеприпасами. Батарея «Тирпиц» больше не существует. Но как? Теоретически снаряд мог попасть в полузакрытую башню в то время, когда из бункера подавали картузы с порохом. Тогда взрыв этого заряда мог воспламенить и остальные внизу. Но ведь это просто в голову не лезет. Одним словом, здорово.

Долго радоваться нам не пришлось. Там, за кормой, где оставалась ударная группа, раздался мощный взрыв. Потом серия разрывов. Главстаршина встревоженно смотрел назад.

– Похоже, «охотник» кого-то глубинками обхаживает. Знать бы, кого торпедировали.

Я знаю. Но думать об этом не хочется. Ведь пытался предупредить, а все без толку. И эти серии разрывов глубинных бомб, которые сейчас скидывает «морской охотник» в том месте, откуда немецкая подлодка выпустила торпеды, ничего не изменят. Один из разрывов прозвучал громче. Палыч, все еще напряженно всматриваясь вдаль, довольно провел рукой по усам.

– Молодцы ребята, накрыли-таки паскуду.

К ограждению мостика подошел командир.

– Сержант Яковлев!

– Я.

Он смотрел на меня. Потом заглянул в листок, который держал в руке.

– Принята радиограмма с линкора «Севастополь». «Тральщику «Груз». Благодарю. Сигнальщика, обнаружившего подлодку, представить к награде. Юмашев».

– Служу трудовому народу! Товарищ старший лейтенант, но ведь был взрыв. В кого попали?

Командир помолчал, потом ответил:

– Командир звена «морских охотников» Глухов обнаружил лодку, но она успела выпустить торпеды. Он подставил борт. Катер затонул мгновенно. Сейчас ищут, может, кто выжил, хотя надежды мало.

И, отворачиваясь, пробормотал, так тихо, что слышал только я, да и то с трудом:

– Катю жалко.

Еще раз посмотрел на нас и отошел от борта. Палыч вздохнул:
– Дружили, наверное.

Глава 2

Бой шел впереди и правее, а тут о высадке напоминали тела, покореженное покрытие набережной да запах сгоревшего пороха. Тел было немного, часть в нашей форме, но больше в румынской и немецкой. Поначалу пришлось повозиться, чтобы подойти к берегу левым бортом баржи, но в конце концов нам это удалось. Теперь мы со всей возможной скоростью перетаскивали на берег ящики и складывали их в самую глубокую воронку. Матросы тральщика были мокрые с головы до ног. В драных тельниках и форменках, под которыми красовались синяки, ссадины и порезы – следы борьбы за живучесть корабля. Беготня помогала им согреться и немного сбросить напряжение. Я слышал, как один бросил другому:

– Я думал кранты, отплавались.

Пока мы таскали орудия и боеприпасы, офицеры тральщика решали, что делать дальше. Сходились на том, что нужно искать штаб ближайшего подразделения и присоединяться к десанту. Черт! Ну не хочется мне опять влезать, а ведь придется. Никому из командиров в голову не приходит осмотреть гавань. Ту, что слева. А там, насколько я помню, стоит десяток немецких десантных барж. При катастрофической нехватке средств доставки десанта это же клад! И никто об этом не думает.

Хотя чего это я. Это мне все известно из истории, а они-то такой информации не имеют. Значит, надо их на эту мысль натолкнуть.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться.

– Слушаю.

– Разрешите пробежаться вокруг, прояснить обстановку. Сейчас ведь разгрузку закончим, а куда дальше, непонятно. А я разведчик.

Командир думал недолго:

– Идите. Осмотрите местность, если кого из наших бойцов встретите, уточните, куда идти.

Я козырнул и собрался убежать, но меня остановил лейтенант, заместитель командира:

– Товарищ сержант, а что это у вас за странная тельняшка?

Вот глазастый! А я надеялся, что в такой суете не заметят. Тельник-то у меня действительно нестандартный. Полоски не темно-синие, а черные. Здесь таких пока нет, их только в шестидесятых введут. Это когда командование добилось, чтобы у нас, как и у десантуры, цвет берета и тельника совпадал. И что я ему отвечу? А отвечу правду:

– Не знаю, товарищ лейтенант, такую выдали.

Командир прекратил выяснение «важного» вопроса, махнув рукой в сторону Констанцы:

– Идите, сержант, время дорого.

Я снова козырнул и направился в сторону порта. До казино, которое торчит левее, метров двести, до порта примерно пятьсот. Только надо осторожно, мало ли кто тут в воронках и кустах шарится. Я шел, чуть пригнувшись, сжимая непривычный «ППС». Машинка надежная, но немножко неудобная. Хорошо, я на барже успел попрактиковаться с перезарядкой, изображая уход за оружием. А то было бы странно, что разведчик морской пехоты собственное оружие не знает.

Через пару минут я добрался до казино. В той истории, которую я учил, был такой смешной факт: во время высадки десантники захватили в этом самом казино пять офицеров. Четырех румын и одного немца. Все пятеро были мертвецки пьяны, то есть, когда наши начали высадку, их просто не успели забрать. И почему-то никто не стрелял по зданию ни с нашей, ни с румынской стороны. Так что оно практически не пострадало. Вот и сейчас, похоже, все повторилось.

Наверху, на балконе второго этажа, я заметил движение и спрыгнул в воронку, направляя ствол в сторону возможного противника. Через минуту над перилами показалась голова в каске. Человек встал и махнул мне рукой. Я направился к зданию. Расслабляться не спешил, мало ли кто там в нашей форме засел. Но это действительно оказались свои. Когда меня провели в один из бывших кабинетов, мне навстречу встал капитан:

– Сколько людей?

Нормально?

– Команда тральщика, командир баржи и пять десантников.

Капитан удивился:

– Пять?

Пришлось коротко доложить положение дел. Он явно расстроился.

– У меня бойцов осталось с гилькин нос, а тут госпиталь, причалы соорудили. Прикрывать это все чем? А немцы очухаются да полезут? Ладно. Моряки, конечно, на суше не очень воевать умеют, но хоть что-нибудь.

– Товарищ капитан, в порту должны быть немецкие суда. Не знаете, там они?

– Ну, там. Штук десять. Только нам что с них?

– Это десантные баржи. Если команда тральщика сможет ими управлять, то это ускорит высадку.

Капитан набычился:

– Слышь, сержант, ты тут что, командовать вздумал?

Ну, вот. А казался нормальным. Я вытянулся смирно.

– Товарищ капитан, я выполняю приказ командира. Прошу разрешения продолжить разведку.

Проняло. Капитан хоть и нехотя, но меня отпустил. Судя по всему, этот район пока безопасен, так что я побежал к порту, практически не оглядываясь по сторонам. Выскочил на причал и присвистнул от избытка чувств. Вот они, родненькие. Ближе всех ко мне стоит «Зибель». Из первых, еще с дополнительными авиационными двигателями. А вот дальше MFP. Судя по внешнему виду, должны быть на ходу. Главное, чтобы старший лейтенант согласился.

Обратно я тоже бежал. Доложил о госпитале в здании казино, а затем сообщил о десантных баржах в порту. Ух, как у командира глаза загорелись. Несколько минут он думал.

– Сколько там барж?

– Я насчитал девять.

– Хорошо. Главстаршина, ко мне.

Командир баржи подбежал к нам.

– Остаетесь старшим. Передаю вам пятерых бойцов. Ваша задача – охранять орудия и боеприпасы. Если нам удастся выйти в море – пришлю связного. Тогда присоединяйтесь к гарнизону в казино. Вопросы?

Главстаршина покачал головой:

– Корабли-то немецкие. Как разберетесь-то, товарищ старший лейтенант?

Командир неожиданно улыбнулся:

– Перед войной наш «Груз» был опытным кораблем. На нем испытывали новое оборудование. Так что мы привыкли с незнакомыми механизмами работать. Да, вот вам приказ, чтобы если что – лишних вопросов не было.

Я глянул в бумагу. Приказ подписал командир БТЩ «Т-403» («Груз») старший лейтенант Кроль А. М.

Команда ушла, а мы остались возле орудий. Теперь я мог рассмотреть, что же мы привезли. Одно было 76-мм. Второе – «сорокапятка». Минометы стандартные, 82-мм. БМ-36 или БМ-37, точно не помню. Отличная вещь, кстати. Наш временный командир о чем-то тихо беседовал с Палычем, а я продолжил осваивать «ППС». Потом эти двое припахали всех на подго-

товку снарядов. Это значит вскрыть ящик, достать снаряд, протереть его от смазки и уложить обратно. Скучно и грязно, но работа нужная, не возразишь.

Так прошло около часа. А потом со стороны города появились люди. Мы заняли оборону, но тревога оказалось ложной, это были наши саперы. Командовал подразделением лейтенант, ему главстаршина и доложил. Пока взводный думал, к нам подбежали трое минеров с тральщика. Быстро сообразив, что к чему, докладывать стали офицеру.

– Товарищ лейтенант, имеем сообщение для главстаршины. Разрешите передать?

– Передавайте.

Старшина второй статьи, по сухопутному младший сержант, передал записку. Главстаршина прочитал, хмыкнул:

– Товарищ лейтенант, готовы поступить в ваше распоряжение.

И протянул записку взводному саперов. Тот прочитал, удивился, прочитал еще раз. Посмотрел на нас и прочитал вслух: «Распределили команды по двум БДБ. Выходим в море. В сейфе обнаружили карту минных полей. Цезарю отдельное спасибо, представлю к награде. Ст. лейтенант Кроль». И вопросительно посмотрел на главстаршину. Но ответил ему Палыч:

– Это у нас вот, сержант. Он разведчик, нашел эти немецкие катера. А в море подлодку заметил. Везучий парень, а прозвище у него Юл, наполовину Цезарь, наполовину юла. Вот про него товарищ старший лейтенант и пишет.

Пришла пора хмыкать саперу. Но на этом лирика и закончилась.

– У меня приказ предотвратить возможный взрыв нефтяных баков на территории порта. А также удерживать их в случае немецкой контратаки. Поэтому так. Сержанта Цезаря, или как его, я забираю с собой, разведчик мне нужен. Если найду удобную позицию, заберу «сорокапятку» и миномет. Остальные присоединяются к гарнизону в этом здании.

Он махнул рукой в сторону казино. Ну, в целом дельно. Тем более что к наскоро сооруженному причалу за зданием как раз подошел катер и начал выгружать десант. Сохранить свой контроль над удобным местом высадки действительно важно. И я и главстаршина только молча козырнули, а вот Палыч удивил:

– Товарищ лейтенант, разрешите и я с вами. Я ведь тоже морской пехотинец, опыт имею. Десант в Приморском, бои за Измаил.

Лейтенант думал, а я обалдевал. Что за десант в Приморском? И почему бои за Измаил? Я-то думал, он скажет об обороне Одессы. Ничего не понимаю.

– Хорошо, сержант. Вы тоже с нами. Все, вперед.

И мы двинулись к нефтяным терминалам. Как-то так получилось, что я без всяких отдельных приказов оказался в передовом охранении, но это так, немножко настроиться на нужную волну, вокруг все еще было тихо.

И как-то меня это напрягает. Слишком тихо, слишком. Предположим, наш удар оказался внезапным. Хорошо, немцы и румыны откатились от берега. Но ладно румыны, они больше озабочены тем, как выйти из этой войны с наименьшими потерями, но немцы? Почему они практически не контратакуют? Видимо, собирают силы? Вспоминаем, что произошло в тот раз? Да, сил на берегу сейчас больше, линкор и крейсера дают мощную огневую поддержку, но ведь общий ход тот же?

Итак, немцы нанесли удар под основание левого фланга обороны, пытаюсь отсечь десант от моря. И им это почти удалось, нашими удерживалась береговая полоса протяженностью около трехсот метров. На тот момент нефтехранилище уже горело и момент начала контратаки командование пропустило. Значит, надо смотреть в оба. И опять лезть к командиру со стратегическими предложениями. Вот точно в конце концов за меня возьмется особый отдел. Интересно, как я буду с ними объясняться?

Пока думал, пришли на место. Саперы взялись за работу, а я предложил лейтенанту проинформировать разведку местности. Опять. Повторяюсь, однако. Но занятый координацией работы

своих людей взводный разрешение дал. Даже отрядил со мной Палыча. Мы и пошли. Заборов тут румыны настроили – мама не горюй. Досталось им крепко, но ведь стоят. Пострадали по большей части ворота, они практически нигде не сохранились. Или полностью разбиты, или повреждены. Так что пройти можно везде.

В следующем после нефтяного терминала оказались мастерские. Часть зданий была целой, но пустой, несколько представляли собой груды кирпича. Мощные стены внешнего забора оказались наполовину разрушены. За ними начинался то ли пустырь, то ли неухоженный парк. Короче заросли невысокого кустарника с большими прогалинами между ними. И все это пересекают четко видимые дороги. Та-а-к! А не отсюда ли и ударили фрицы в прошлый раз?

Вот там, правее, десант ведет городской бой с румынами. Обе стороны стремятся беречь людей и, что важно, собственно город. У немцев таких ограничений нет. Будут долбить так, что мало не покажется. В общем, ясно. Надо предложить лейтехе именно тут организовать оборону терминала. Я изложил свое предложение Палычу, и мы с ним пришли к согласию, что тут, да если добавить орудие и миномет, будет позиция что надо.

Он отправился к лейтенанту, а я продолжил осматривать территорию. Первый труп немца меня не удивил, тут ведь тоже шел бой, хоть и скоротечный. Второй, почти рядом с первым, насторожил. А потом я нашел и остальные. Восемь человек. Судя по погоням – один унтер. Оружие при них, а самое главное, рядышком лежат стандартные немецкие ящики со взрывчаткой, катушки провода, наверное, если поискать, то и взрывная машинка. Похоже, искать мины в терминале нет смысла, кто-то уничтожил немецких подрывников.

Я обшарил трупы на предмет оружия и боеприпасов. Так себе, один МР-40 и семь карабинов «Маузера». Зато набралось десять гранат-колотушек. При более детальном осмотре в ранце унтера оказался полный цинк патронов и шесть запасных магазинов, хоть и пустых. Это меняет дело. У меня «ППС» и к нему всего три магазина. На десять минут боя. Так что этот фрицевский «машинпистолет» для меня подарок. Я быстренько снял оба подсумка, заодно присвоив и портупею. У меня-то только ремень, хорошо хоть кожаный.

А унтер-то заслуженный. Вон сколько значков на кителе. Да и подсумки кожаные, а не брезентовые, как у обычной пехоты. Даже «магазинфулер» есть, ишь, пижон. Был. Позаимствовал и ранец, выкинув из него лишние вещи и накидав найденные гранаты. Карабины тоже прихватил и потащил все это добро к облюбованной позиции. Лейтенант с Палычем были уже там.

– Товарищ лейтенант, обнаружил уничтоженную кем-то группу немецких подрывников. Оружие вот принес. А взрывчатка там осталась.

На карабины сапер внимания не обратил, а вот известие о взрывчатке его обрадовало. А я посмотрел на его кобуру и предложил свой «ППС». В дополнение к его пистолету. Взводный подумал, посмотрел на мой трофей и взял. Отправил ординарца за своими бойцами, а сам начал с нами вместе продумывать систему огня. Правда, троих самых опытных саперов оставил осматривать терминал до конца, на всякий случай. Не нужны нам сюрпризы в тылу. Профессионал, уважаю.

Одно отделение лейтенант отправил за артиллерией, остальные стали обустраиваться на огневых позициях. А я продолжил осмотр территории. Были там одни развалины, которые меня чем-то удивили. Но я тогда прошел мимо, а вот сейчас решил выяснить, что с ними не так. С первого взгляда эта куча битого кирпича ничем от других не отличалась. А вот если присмотреться... Палыч, которого я позвал с собой, ничего странного не заметил.

– Палыч, ну вот присмотришься. Тебе не кажется, что вот эта крыша обрушилась как-то неправильно? Будто она на чем-то лежит? А впереди странный выступ, похожий на...

Я умолк. Мне в голову пришла интересная идея. Обойдя развалину, я начал отваливать куски стен в стороны. Палыч молча стал помогать, еще не совсем поняв, что я увидел, но

доверяя моему везению. Через четверть часа работы обнажилось то, что я и ожидал. Передняя часть танка. Ничего не говоря, ткнул пальцем в железо, и тут уж пришла очередь Палыча меня удивить. Он присел на корточки, заглянул под днище, зачем-то потрогал передний бронелист и уверенно сказал:

– Наша машина. «Т-28».

Я тоже потрогал броню.

– Точно?

– Точно. Видишь, вот тут ограждение такое? Это после финской стали делать, чтобы люк механика-водителя не клинило. Интересно, как он тут оказался?

– Единственный вариант – захватили во время неудачного контрнаступления под Сороками.

Сказал и тут же прикусил язык. А ну как не было тут такого? Я ведь уже убедился, что многое не соответствует той истории, которую я знаю. Но, кажется, пронесло, видимо, этот эпизод войны у нас совпадает.

– Наверное. Если бы тогда фрица на Днестре не удержали, много было бы горя.

Так, значит, немцам не удалось свободно переправиться через Днестр? Получается, в этой версии истории укрепрайоны сыграли свою роль? Здорово. Тогда понятны и все последующие изменения. В частности, не было обороны Одессы. Не дошли до нее фрицы. Здорово!

– Палыч, я полез, посмотрю, может тут есть люк экстренной эвакуации. Если да – попробую забраться внутрь. Вдруг удастся завести и сбросить остальной мусор?

– А ты что, Серега, и это умеешь?

Вот не приживается тут Юл.

– Во всяком случае, в теории. Вот и попробую воплотить знания в жизнь.

Да, что-то я не то сказал, взгляд у Палыча стал задумчивый, а я, пока не поздно, полез под танк. Люк, что радует, присутствовал и не был, что еще более удачно, заперт изнутри. После четверти часа тихого мата, с саднящими ободранными руками, но я забрался внутрь. Темновато тут. Если я правильно помню, свет включается с приборной доски водителя. А он теперь где-то позади меня. Попытался развернуться и звезданул обо что-то головой. Так, и что это я «нащупал»? Ага, судя по всему, это подвесной пол главной башни.

Я осторожно встал. Нормально, можно почти и не пригибаться. Стал на ощупь пробираться по стеночке к отделению управления. Добрался достаточно легко, даже шишек больше не наставил. Нащупал спинку сиденья. Перелезаем и устраиваемся. Ну, что, с богом? Справа рычаг, это у нас передача, так? Под ногами педали: раз, два и три. Угу. Еще рычаги – фрикционы. А, вот и панель. Ищем тумблеры. Вот, есть один под правой рукой. Щелк... и да будет свет!

Теперь можно нормально осмотреться. И я вот думаю: а что там писали критики про «рояли в кустах»? Типа всегда герой получает то, что ему нужно и в самый подходящий момент... Вот мне, в данный конкретный момент, нужен танк? Потому что именно этот – готов к бою. Давление воздуха – в норме. Заряд аккумуляторов – в норме. Вода, масло – в норме. Диски – снаряжены, если судить по весу, и их полный комплект. Снарядов в укладке – вроде бы тоже. Остается нажать на стартер.

Двигатель взревел. Это ж надо, сразу. Даже не придется использовать сжатый воздух. Ухоженный аппарат, молодцы румыны, огромное вам комсомольское спасибо. Осторожно двинул машину вперед. По броне застучали камни, зато в смотровой щели появился свет. Отлично, посмотрим. Палыч благоразумно отошел в сторону, во всяком случае, перед машиной его нет. Ползем дальше. Еще пара ударов, и вроде бы сыпаться сверху перестало. Попробую развернуться... есть, получается. Немного вправо, теперь влево. Двигаться явно стало легче.

Остановил машину и, не выключая двигатель, откинул верхнюю крышку водительской кабины. Получилось, теперь опустим переднюю. Тоже есть. Теперь можно вылезать. Палыч

стоял в нескольких шагах. Рядом чуть не подпрыгивал лейтенант. Я оглянулся. Ох ты, какой экземпляр нам достался. Таких машин, с пушкой Ф-34, было всего около сотни. Эти орудия собирались ставить на «Т-34». Потом появились Грабинские 85-мм, и уже готовые изделия начали устанавливать в другие подходящие машины. В том числе и на «Т-28». Что, в свою очередь, означает выпуск не ранее конца 1940 года. Даже скорее начала 1941-го. Вот это да! С другой стороны, а чего я ждал, найдя аварийный люк? Их же тоже стали делать только в конце сорокового, после обработки опыта финской войны. Да и то не сразу.

Лейтенант влез на броню, и мы начали осматривать повреждения. Из серьезных – погнут ствол пулемета в левой башне. Это ерунда, снимем или курсовой, или, что вероятнее, кормовой. Антенну можно выправить, орудие внешне не пострадало, на конце ствола вообще какой-то предохранительный тубус. Еще раз спасибо румынским техникам. А сломанные скобы, как и вмятины на ящиках дымопуска и ЗИПа, сейчас не в счет. Еще хорошо бы краску найти, закрасить румынские опознавательные знаки и нарисовать наши. Увидят фрицы советский танк под Констанцей – обалдеют!

Пока я возился с танком, саперы неплохо приготовились к обороне. «Сорокапятка» уже стоит у пролома, ящики со снарядами сложены под стеной. Рядовой состав занял позиции, хотя обманчивая тишина действует на них расслабляюще. Вот и лейтенант так увлекся танком, что про бойцов своих забыл. Видимо, лицо у меня изменилось, потому что Палыч оглянулся и пошел наводить шорох. Пока взводный среагировал на шум, он уже и наблюдателя выставил и люлей кому надо навешал.

Лейтеха вернулся к своим обязанностям, а я стал оглядываться, соображая, как набрать экипаж. Машину я отгоню вот к тому пролому, и, собственно, механик мне больше не нужен. Пока. А нужны мне два пулеметчика и заряжающий. На наводчика уж точно можно не рассчитывать, придется самому. Тут я заметил мнующихся минеров с тралыщика. Судя по всему, их привлекли в качестве тягловой силы, а теперь забыли. И они не знают, что делать. Кстати, они как минимум технари, раз минеры. Разберутся. И я крикнул:

– Эй, братва, давайте все на борт!

Глава 3

Увидев знакомое лицо, парни немного расслабились. Поняв, что я хочу их сделать танкистами, наоборот, взбодрились и собрались сразу лезть в танк. Пришлось их притормозить.

– Стоп! А скажите мне, товарищи черноморцы. Среди вас есть кто-нибудь, имеющий отношение к пушкам?

Не верю своим ушам, но один из троих – запасной заряжающий при кормовой «сорокапятке» по боевому расписанию. Не-е-ет, у меня в кустах не рояль, а оркестр. Забираюсь с ним в танк, показываю порядок действий. Повторяет с лету. Есть контакт! Выбираемся наружу, и я, впервые с момента попадания в это время, смотрю на часы.

«Командирские» не подвели, идут. Во времени перенеслись, в воде побывали – и хоть бы хны им. Спасибо ребятам из детдома, это они мне сделали подарок. Ну, когда я с эскадрой ушел в «средиземку». После возвращения из похода часы ждали меня в училище. Итак, сейчас у нас 10.17. Если предположить, что немцы начнут тогда же, когда в моей истории, то это ближе к 19 часам, более точно не помню. Значит, на все обучение и «срабатывание» экипажа у нас примерно восемь часов. Беру с запасом, на всякий случай. Ладно, приступим.

Хотя минуточку, а я вообще имею право моряков подключать? Они же формально подчиняются главстаршине, а теперь, наверное, тому капитану из казино. Спросил. Точно, капитан забрал всех оставшихся в свою команду, а старшина остался непосредственным командиром. Придется договариваться с лейтенантом. Оставив бывших минеров знакомиться с машиной (со строгим приказом ничего не нажимать), я отправился к командиру саперов.

– Товарищ лейтенант, разрешите обратиться?

– Слушаю, сержант.

– Я тут моряков, которые помогали орудие притащить, хочу зачислить в свой экипаж. Они минеры, с техникой знакомы, легче будут осваиваться. Мне нужна записка к капитану, который на берегу командовал.

Думал лейтенант недолго. Выделить мне кого-нибудь из своих он не может, а тут такая удача. Так что записку он написал немедленно. У него даже печать нашлась, во дает! Я бегом вернулся к танку и постучал по броне. Через минуту все трое новоявленных танкистов стояли передо мной. Вот же черти, они уже в шлемофонах. И когда успели отыскать? Но, пора из «братишки» превращаться в командира.

– Смирно! Товарищи краснофлотцы, вы временно зачислены в экипаж танка «Т-28». Для начала давайте знакомиться. Я сержант – Яковлев Сергей Юрьевич. Разведчик, но временно исполняю обязанности командира танка. Теперь представьтесь. Фамилия, имя, отчество, год рождения, год призыва.

Я достал из кармана затрофеенные у одного из дохлых немцев блокнот и карандаш.

– Соловьев Николай Архипович. 1921 года рождения. Призван на флот в 1939 году.

– Грачев Николай Степанович. 1921 года рождения. Призван на флот в 1939 году.

– Иволгин Николай Александрович. Год рождения тот же. Год призыва – 1940-й.

– Почему в сороковом?

– Я, товарищ сержант, после семилетки пошел работать, потом меня комсомольское бюро направило в ФЗУ. Там проучился два года, закончил, а уже потом призвали.

Ладно, споемся. Заряжающим у меня Иволгин, ему и относить записку.

– Краснофлотец Иволгин. Доставить записку главстаршине. Постарайся капитану на глаза не лезть, а то мало ли... Да, поинтересуйся, может, на барже найдется краска? Было бы неплохо румынский щит закрасить.

– Товарищ сержант, так на «Грузе» есть, точно говорю. В баталерке. А какая краска нужна?

– Идеально – белая, красная и синяя. Но сойдет и только белая или только красная.
– Белая и красная точно есть. Может и синяя, но не знаю.
– Тогда так, сначала к старшине, потом на тральщик. И вот еще, посмотрите, может, на ГКП остался запасной флаг. Нам бы пригодился. На все – час. Вопросы есть?

– Нет.

– Кру-гом! Бегом – марш! Стой. Шлемофон отдай и надевай бескозырку. А вот теперь бегом.

Иволгин рванул к казино, а я повернулся к оставшимся двум Николаям.

– Вы где шлемофоны нашли?

– А они за каждым сиденьем, в таком брезентовом кармане лежали.

– Ясно. А наставление по обслуживанию танка вы там не находили?

– Есть, товарищ сержант. В башне за тем сиденьем, которое справа.

– Шлем Иволгин оттуда взял?

– Нет, он из левого вытащил.

– Угу. Так, Соловьев, этот шлемофон верни на место, а мне принеси командирский и наставление. Одна нога здесь, другая там.

В течение следующего часа я менял пулемет в левой башне, попутно объясняя устройство шаровой установки. Потом показывал расположение боекомплекта, учил менять диски и вести огонь. Пока вхолостую, без патронов. Между нами, одновременно стрелять и ручную поворачивать башню – это не так просто. Попутно я подключил все шлемофоны к ТПУ и показал Соловьеву и Грачеву, как этим хозяйством пользоваться.

Пока они упражнялись, начал разбираться с башней. Я из танковых орудий стрелял, в училище, но всего пару раз, для ознакомления. Да и устройство несколько отличалось. Лет на шестьдесят. Так что пришлось, активно пользуясь наставлением, изучать прицел и оборудование и управление. Да, где моя родная автоматизация... но – что есть, тем и будем пользоваться. Едва успел хоть что-то понять, в броню застучали. Вернулся Иволгин.

Краска нашлась только белая, зато в качестве компенсации Николай прихватил кисти, о которых я забыл. И чем бы я красил? Так что молодец. А еще он принес два флага. Военно-морской и гюйс. Я подумал и решил потратить час на внешнюю атрибутику, чтобы потом уже из машины не вылезать до самого начала немецкой контратаки. Иволгину вручил наставление и отправил в башню разбираться, а сам взялся за дело. Румынские знаки, по счастью, были небольшие. Какой-то стилизованный крест с коронами. Не помешают.

Трафарета у меня нет, но я и без него справлюсь. Когда-то, на первом курсе, я на спор, ручную, за одну ночь нарисовал знаки морской пехоты на всех БТРах в боксе. Вышло, конечно, не очень. Но в качестве наказания я и по сей день обновляю эти знаки на выделенных для наших взводов машинах. Всегда ручную, без трафарета. Так что руку набил – о-го-го как. Ночью могу нарисовать, в полной темноте, как китайский каллиграф.

Проблем, как я и ожидал, не возникло. Стилизованные военно-морские флаги на обеих сторонах башни и на переднем бронелисте я нарисовал минут за сорок. Для последнего штриха собрался звать своих новообращенных танкистов, но в этот момент меня окликнули. Я повернулся. Позади стоял Палыч.

– Прибыл в ваше распоряжение.

Я немного удивился. Мне казалось, что мой спаситель нашел общий язык с лейтенантом и тот его не отпустит, о чем я и спросил.

– У него свой замкомвзвода есть. И артиллеристы полный расчет прислали. Так что я к вам, зачисляй в экипаж, командир.

С одной стороны, для полного комплекта мне нужны еще минимум два человека. С другой – сержант не мехвод и не радист. Ну да ладно, пока будет помогать заряжающему, а там посмотрим.

– Принимаю, только давай знакомиться, а то просто Палыч это как-то неправильно.

– Павленко Павел Павлович. 1902 года рождения. На флоте с 1930-го. Сержант, старшина стрелковой роты 2-го батальона 8-й бригады морской пехоты ЧФ.

– Добро.

Я подошел к открытому люку механика-водителя и крикнул:

– Экипаж ко мне!

Через минут четверо членов моего экипажа стояли возле борта.

– Вот какое дело, братцы. Трое из вас входили в команду тральщика «Груз», а нас с сержантом Павленко ваш корабль можно сказать спас. Поэтому я предлагаю присвоить нашему танку бортовой номер «Т-403». Вопросы, возражения есть?

Мои моряки подтянулись.

– Нет.

– Вольно.

Я взял кисть, подошел к машине и вывел на ящике дымопуска: «Т-403». На другом борту ее нарисовал Грачев. Может это и излишний пафос, но теперь мы были экипажем. Еще я собирался поднять на антенне военно-морской флаг, но в последнюю секунду раздумал. Демаскирует, да и не время пока. Так что ограничился сообщением, что флаг у нас есть и, когда придет время, мы его поднимем. А пока:

– Экипаж, в машину!

Я занял место водителя и перегнал танк на присмотренную позицию. Место хорошее, корпус прикрыт, а пулеметы могут вести огонь свободно. Минометчики угостили нас обедом, и мы вернулись к боевой подготовке. Теперь я устроился на сиденье наводчика, подключился к переговорному устройству и начал давать вводные бойцам. Это было не совсем удобно. Дело в том, что командирский перископ находится справа, а наводчик располагается слева. Я подумал и предложил Иволгину попробовать себя в роли наводчика.

Удивительно, но факт, у него быстро стало получаться лучше, чем у меня. Я про скорость наведения по указанной цели. Он наводил, а я садился на его место и проверял. Парень прямо уникум. За час он выучился вполне четко наводить орудие и понял, как вводить поправки. Теперь я занял место командира и мог нормально видеть обстановку. Палыч разбирался с типами снарядов и их расположением в укладках.

Еще я успел сгонять к лейтенанту, выяснил, что радиостанция у него имеется, и узнал частоту. Вернувшись, настроил танковую рацию и показал Палычу, как, если надо, вывести меня на связь. Там всего-то один переключатель с тремя положениями. Среднее – выключено, влево – прием, вправо – передача. Все. Пару раз потренировались, и достаточно. Двигатель выключен, а сажать батареи не хочется.

Все это время правее нас шел бой. Он то затихал, то снова разгоралась стрельба. А вот слева было тихо. Я бы сказал слишком тихо. Понятно, что с нашими ограниченными силами развивать наступление никто не станет, для этого должен высадиться второй эшелон. С танками и тяжелой артиллерией. Но все-таки это затишье на левом фланге меня напрягало. Тем более что я точно знал, насколько оно обманчиво. И чем ближе были роковые 19 часов, тем сильнее меня колотило.

Вот-вот должен начаться бой. Мой первый реальный бой, «купание» утром не в счет. Тогда взрывы вокруг были, но к ним я привык за время учений, имитации для нас не жалели. Вообще по-хорошему я не должен так дергаться. Ведь всему учили. И танками нас обкатывали, и стреляли над головами, и с огнем учили справляться. Но только теперь я понял, что там это все была игра. Всегда могли помочь, дать приказ прекратить огонь, если что было не так.

Тут этого не будет. Тут моя ошибка будет стоить жизни. Причем не только мне, но и моему экипажу. А если бы я сюда после выпуска угодил? Уже как офицер? Б-р-р! Как-то все

внутри смерзается от одной мысли. И ведь надо не показывать виду, я же командир, черт меня подери. Палыч, который уже некоторое время на меня поглядывает, вдруг сказал:

– Командир, предлагаю сходить к лейтенанту еще раз. Мы ведь о взаимодействии так и не договорились. И с артиллеристами тоже. Как цели распределять, за каким сектором приглядывать. Пошли?

А ведь он прав. Все-таки лопух я пока, а не командир. Знаки намалевать додумался, а о таких важных вещах мне сержант напоминает. С другой стороны – он уже обстрелянный, да еще и старшина роты.

– Тут ты прав, пойдем, Пал Палыч.

Едва мы отошли от танка на пару метров, он заговорил:

– Первый бой? Ты молодец, командир, хорошо держишься. Я видел молодых офицеров, которые начинали от своего волнения всех дергать. А ты вроде как спокоен. Вводные даешь, проверяешь, но без аврала.

– Ну, ты-то заметил.

– Так то я. Я на службе одиннадцать лет да и повоевать успел. Потому и вижу. А еще вижу, что ждешь чего-то?

– Да странно это. Справа бои не прекращаются, а слева что, фрицы испарились? Вот и переживаю.

– Тут ты прав. Слева чересчур уж тихо. Хоть бы иногда постреливали, ан нет. Странно, конечно.

Дальше мы шли молча, каждый думал о своем. Лейтенант выслушал нас, позвал командира «сорокапятки», и мы обсудили, кто и чем будет занят. Решили, что если будут танки, то огонь ведем по своему усмотрению, максимум в одного влечем одновременно. А вот по пехоте – каждый держит свой фланг. Единственное, я напомнил, что у меня всего 69 снарядов. Меня тут же обрадовали, указав на десяток ящиков, укрытых позади позиций под какими-то обломками. Саперы нашли их, проверяя развалины.

Попутно узнали состояние дела на данный момент. Десант полностью на берегу. Город Констанца практически наш, добивают немцев, румыны все чаще выкидывают белый флаг. Крейсера, лидеры и транспортные корабли, включая, кстати, семь захваченных немецких БДБ, ушли за вторым эшелоном. С ними (а вот это уже просто ни в какие ворота не лезет) ушли два сдавшихся румынских эсминца. По слухам, их командирам пообещали вернуть корабли Румынии после окончания войны. Причем обещание пришло «с самого верха».

Для артиллерийской поддержки десанта остался линкор «Севастополь». Для его защиты, ну и на всякий случай, оставили также все три эсминца. Пять оставшихся боееспособными тральщиков занимаются очисткой минных полей, активно используя найденные на десантных баржах схемы. Наибольшей угрозы ждут с севера и северо-запада, уж не знаю почему. Скорее всего считают, что именно там сосредоточены основные румынские и немецкие части. Именно на этих направлениях концентрируется артиллерия.

Обдумывая услышанное, пошли глянуть, что же нам Бог послал. Я сейчас про снаряды. Оказалось три ящика бронебойных и семь фугасных. Итого 15 и 35. Да в танке соответственно 19 и 50. Ну, на какое-то время хватит. Только надо их перетащить и загрузить в боевое отделение. Пока стоим, мешать особо не будут, а расходовать с них и начнем. Позвали остальных членов экипажа, да и лейтенант, спасибо ему, пару бойцов направил в помощь. За двадцать минут управились. Заняли места, подключились к ТПУ, и я совсем было собрался опять поставить очередную учебную задачу, как началось.

Сначала в паре километров левее раздались взрывы. Судя по всему – артподготовка. Потом началась стрельба. Постепенно к перестрелке стали примешиваться орудийные выстрелы. Ежу понятно, фрицы пустили впереди танки. Пока, судя по интенсивности огня, штук пять-семь. Вроде и немного, но наши быстро откатывались назад. На часах 18.53, немцы,

как и всегда, пунктуальны. Не прошло и двадцати минут, как мы увидели бойцов, на которых пришелся удар. Было их около роты, и отступали они достаточно организованно. Я повел перископ вправо, пытаюсь понять, куда же они отходят. Ведь не до моря же собираются отходить?

От наших позиций к ним побежал боец. Упал возле одного из солдат, видимо, что-то спросил, бросился дальше. Командира ищет? Почти рядом со связным нашего лейтенанта, а в этом я уже не сомневался, встал разрыв. Следом раздалось еще несколько взрывов. На какое-то время все затянуло пылью. Но вот в просвете мелькнул живой и, надеюсь, невредимый боец. Теперь он двигался короткими перебежками. Я посмотрел вправо, но противника в поле зрения еще не было. Снова искал связного.

Ага, кажется, парень добрался. Во всяком случае, рота сначала залегла, а потом поменяла направление движения. Теперь они отходили больше к северо-западу.

– Там позиции румынской батареи. Я слышал, лейтенант говорил. Ее в самом начале наша группа захватила. Орудия подорвали, а укрепления-то остались.

Это мне Палыч обстановку проясняет. Спасибо, теперь буду знать. А то я пока с танком возился – все пропустил. Пехота стала отходить быстрее, и я сосредоточился на наблюдениях. Внутренний холод куда-то пропал, да и вообще теперь я был спокоен и сосредоточен. Как всегда, когда доходило до дела. Будь то драка за теплицами в школьном дворе или первый прыжок с парашютом. До – весь в напряге, а потом – будто все так и должно быть.

Когда показались танки, мы были готовы. В стволе бронебойный, горизонталь примерно выставлена. Танков было действительно семь. Два «Т-II», легко узнаваемые по сдвинутому влево 20-мм орудью, три чешских «ЛТ-38», тоже легко определяемых по обилию заклепок. И в центре – две «тройки». Клин, немцы со времен «ледового побоища» ничего нового не придумали.

– Иволга, наводи по ближней «тройке».

Ну да, пришлось своих танкистов называть «по-птичьи». Они же все Коли. Надеюсь, кстати, что он знает, что такое «тройка».

– Готово!

– Огонь!

Знает! Короткий просверк на броне, танк на секунду замер, а потом внутри рвануло. Башня съехала набок, повалил черный дым. Ай да Иволга, ай да птичка, иногда певчая.

– Молоток! Наводи по следующему. Палыч, бронебойный!

Мне в руки сунули снаряд, я отжал рукоятку, открывая затвор, вложил его, закрыл затвор.

– Готово!

– Огонь!

Промах, снаряд разорвался позади машины. Нужно действовать быстрее.

– Иволга, стрелять без доклада.

– Есть, понял.

– Бронебойный!

Снова заряжаю, принимаю к перископу. Так, пушкири тоже одного подожгли. О, они еще и второго разули, вон застыл кормой к нам, и гусеница змеится рядышком. Выстрел. Вторая «тройка» будто споткнулась и замерла. Почти одновременно вспыхнула одна из «двоек», и оставшиеся два немецких танка попятились. Их пехота залегла и начала потихоньку отползать. Нашим пулеметчикам работать не пришлось.

Вторая атака началась почти без перерыва. Только теперь часть танков, что полегче, пошла левее, за нашими морпехами, а на нас полезли целых три «тройки». Не на нас конкретно, но в сторону проявившихся противотанковых средств. Перли они нагло, видать, решили, что это мы их случайно так удачно встретили, потому что били в борт. Придется их разочаровать.

Даже «сорокапятка» эти «Т-III» прошивает в лоб, хоть и только с 500 метров. А уж про нас и говорить нечего.

Первого мы подожгли с одного выстрела. Танк задымил, немного прополз вперед, и из него полезли черные фигуры.

– Командир, разрешите открыть огонь.

Это пулеметчики не выдержали. Им тоже хочется повоевать, а приказа нет.

– Отставить! Пока есть возможность – пусть считают нас противотанковым орудием.

Расчет «сорокапятки» тоже времени не теряет, сбил ближайшей к нам машине гусеницу и переключился на тех, что ползли к позициям отошедшей роты. Верно, у нас калибр больше, нам и воевать со средними танками, а они пусть легкими занимаются.

Мы принялись за того из трех, что еще был на ходу, и чуть было за это не заплатились. Пока мы тремя выстрелами заканчивали с ним, «разутый» «Т-III» нащупал нас и влепил снаряд. Одно хорошо: фрицы действительно считали нас пушкой, вот и стреляли соответственно. Осколочным и слишком низко. Попали они в стену перед нами, но вот большинство осколков пришлось на пулеметные башни и люк мехвода. По главной башне тоже стукнуло, но так, вскользь.

Я наклонился посмотреть, как бывшие моряки приняли первое попадание в качестве танкистов. Ну, как... спокойно. Оба принялись проворачивать башни, проверяя, что ничего не клинит. А Иволга с криком: «Ах ты ж... (скажем, мурло)!» – засадил немцам очередной снаряд точно в башню. Через какое-то время из подбитого танка вылез механик-водитель и побрел в тыл. Похоже, его контузило, потому что, пока его не свалил на землю один из пехотинцев, он так и брел в полный рост.

Теперь за нас решила взяться пехота. Сначала посыпались мины. Нам-то не страшно, а вот саперам снаружи может прилететь. Потом полезли стрелки. Встретили их как положено, с музыкой. Мы на некоторое время превратились в зрителей. Представители инженерных войск РККА демонстрировали свою подготовку, и надо отметить, она на высшем уровне. Подпустив фрицев метров на триста, их накрыли одновременно и из минометов, которых, оказывается, уже не один, и из всех штатных стволов.

Вдогонку и мы послали пару осколочно-фугасных, чисто для подтверждения, что живы и здоровы. А то вдруг немцы думают, что их танк нас достал? И наступила короткая тишина. Я стащил с головы шлемофон. Изнутри он оказался совершенно мокрый. Да и форменка на спине, похоже, в том же состоянии. А ведь собственно бой длился... сорок минут? Мне показалось от силы пятнадцать. Я снова нахлобучил шлем.

– Экипаж, поздравляю с боевым крещением. Как настроение, хлопцы?

– Отличное! – Это Иволгин.

– Норма. – Палыч.

– Повоевать не дали! – Это Соловьев.

– Ни разу даже не выстрелил! – Грачев туда же.

В борт застучали, и я, приоткрыв люк, высунул голову наружу. Внизу стоял саперный лейтенант, а с ним капитан с багровым шрамом на бритой голове. Пришлось выбираться на броню и прыгивать на землю.

– Капитан Горлов.

– Сержант Яковлев.

С минуту мы рассматривали друг друга.

– Вам приказано сменить позицию и выйти вот сюда.

Он достал крупномасштабную карту, судя по всему 1:50 000, и отметил на ней точку. Потом протянул карту мне.

– Возьмите, сержант, пригодится.

Пока я разбирался с не совсем привычными обозначениями, он продолжил:

– Здесь вы хорошо поработали. Теперь ваша задача – поддержать огнем роту старшего лейтенанта Олышанского. Они понесли потери, тяжелого оружия тоже практически нет. Пока к ним не перебросят артиллерию, ее роль будет выполнять ваш танк. Задача понятна?

– Так точно, товарищ капитан.

– Выполняйте. Желаю успеха.

– Товарищ капитан, у нас бронебойных снарядов двадцать одна штука осталась. А танков у фрицев что-то чересчур много.

Капитан слегка прищурился, словно пытался получше меня разглядеть в подступающих сумерках. Вот я дурак! Это же надо было ляпнуть про «чересчур много танков». Откуда мне, сержанту, знать, сколько их должно быть? А все шутки с памятью. В прошлый раз и сил у немцев было не так уж и много, и танков было с гулькин нос. Просто у наших всего этого оказалось еще меньше. А сейчас мы только за две отбитые атаки сожгли пятерых, да «сорокапятка» еще троих как минимум. И я все время думаю, что же изменилось. Вот и сказанул не вовремя.

Капитан перестал изучать мою физиономию.

– Артеменко!

Из ниоткуда возник юркий мужичок с казацкими усами и в пилотке поперек головы. Каску он держал в руках, видимо, или только что снял, или, наоборот, не успел надеть. На плече болтается редкий в морской пехоте «ППШ».

– Здесь, товарищ капитан.

– Передай Петрову, пусть погрузит пять ящиков бронебойных на танк.

– Есть.

И ординарец исчез, как не было. Капитан обернулся ко мне:

– Еще что-нибудь, товарищ сержант?

– Никак нет, товарищ капитан.

В ожидании снарядов офицер продолжил меня рассматривать. Теперь его внимание привлекли немецкие под сумки для магазинов.

– Откуда? – Капитан указал на мои трофеи.

– Тут на территории нашел уничтоженную кем-то группу немецких саперов. Вот у их унтера и забрал оружие. А то к моему «ППС» только три магазина было.

– И где теперь ваш автомат?

– У меня. – Лейтенант приподнял висящее на плече оружие.

Капитан снова прищурился:

– Насколько я помню, устав запрещает просто так передавать личное оружие другим лицам.

– Так точно, товарищ капитан, запрещает. Но мое личное оружие на дне, а этим «ППС» моряки поделились.

– Тонул?

– Дважды, товарищ капитан.

– Это как?

– Сначала выкинуло за борт взрывом, наверное, я не помню. Только вытащили, снаряд попал в катер, снова тонули. Из всего десанта и команды выжили пять человек. Я, вот в танке сержант Павленко и трое в казино остались.

– Понятно. У остального экипажа как с оружием?

– СКСы.

– Пистолеты есть?

– Нет.

Офицер покачал головой:

– Артеменко!

Юркий ординарец снова появился, как чертик из табакерки. Вот же фокусник. Следом за ним потянулись солдаты с ящиками. Они закидывали их на броню, потом двое запрыгнули туда же и начали открывать ящики и доставать снаряды. Палыч, голова которого торчала из люка во время всего разговора, начал их принимать. А капитан допрашивал своего «казачка»:

– Остап, у тебя в вещмешке сколько пистолетов?

– Товарищ капитан! – В голосе солдата сквозила неподдельная обида. Но Горлов, видно, к этому давно привык.

– Так сколько, Артеменко?

– Ну, три. Коровинский «АПК», потом «ТТ» и тот немецкий, как его, во... флюгер.

– «Люгер», Артеменко, «Люгер-08» или «Парабеллум». А еще пистолеты коллекционируешь. Так, Остап, отдай все сержанту. Все, ты понял? Патроны, магазины, кобуры. Все! Потом еще достанешь, я помогу.

Какие интересные отношения между командиром и ординарецом! Но именно сейчас – очень для нас выгодные. Пока солдат доставал из сидора (где он его только раздобыл, давно ведь на ранцы перешли) оружие, амуницию и боеприпасы, Палыч и артиллеристы закончили грузить дополнительный боекомплект. Капитан протянул мне руку:

– Удачи, сержант.

– Спасибо, товарищ капитан.

Я полез в танк, а оба командира направились к своим позициям. На ходу капитан взглянул на часы. Я автоматически тоже. 20.00, день заканчивается. И фрицы, голову даю на отсечение, попробуют успеть атаковать. Еще хотя бы раз.

Глава 4

До указанной точки было всего ничего, километр, может два. Я снова был за водителя, и на командирском месте сидел сержант Павленко.

– Палыч, справа должен быть парк или сквер. Видишь?

– Что-то есть, командир. Деревьев, конечно, маловато, но, наверное, это он.

Теперь надо было смотреть в оба, а то наеду на кого-нибудь из тех, кого должен прикрывать. Воронок здесь было неожиданно много. Странно, как я понял, батарею по-тихому брала спецгруппа, а выглядит так, будто ее сначала долбали артиллерией. И она не из тех, что были в моей истории. Те были или прямо на молу, или севернее города, или южнее. А эта буквально на границе порта и жилых кварталов.

Я остановил танк, открыл верхний люк кабины и высунулся. Такое ощущение, что тут начинали что-то строить. А потом, используя завезенные материалы и часть площадки, установили эту самую батарею. Во всяком случае, вокруг навалено столько всего, что черт ногу сломит. Сейчас загоню машину во-о-он туда, и надо пройти по позиции, понять, можно тут маневрировать или придется превратить «Т-28» в неподвижную огневую точку.

Только теперь я отдал Палычу «ТТ», а Иволгину трофейный «Люгер». «АПК» я сразу присвоил себе, уж очень я его уважаю. Прилаживая на ходу кобуру, вылез на броню и увидел несколько человек, быстро идущих к нам. То, что это наши, даже не сомневался. Наклонился к люку, крикнул: «Палыч, ты за старшего!» – и пошел навстречу. Первым шел офицер. Это я не по поганам сужу, их уже не разглядеть, темновато, а по походке. А сам ротный идет или кто-то из взводных – сейчас узнаю.

– Товарищ командир, танк «Т-28» прибыл в ваше распоряжение. Командир танка сержант Яковлев.

– Старший лейтенант Ольшанский. Добро. Как со снарядами?

– Пока хватит, товарищ старший лейтенант.

– Добро. Почему остановились здесь?

– Хотел пройти по позиции, прикинуть, можно ли маневрировать. На одном месте стоять не очень хочется.

– Гурамишвили, пройди с сержантом, покажи, где можно проехать. Тут только кажется, что все завалено и изрыто, на самом деле места много, развернетесь. Водитель у вас хороший?

– Я за водителя, товарищ старший лейтенант.

– Вы же сказали, что командир?

– Пока стоим – командир, а как надо двигаться – водитель.

– Так, понятно. А хоть один танкист в экипаже есть?

– Никак нет, товарищ старший лейтенант. Я и сержант Павленко из морской пехоты, а остальные трое из команды тральщика «Груз».

– Ясно. Гурамишвили вам все покажет, но постарайтесь побыстрее. Думаю, немцы вот-вот полезут. Потом зайдите ко мне на КП, доложите. Если успеете.

Мы успели. Местность, с первого взгляда казавшаяся сплошной свалкой, на самом деле очень нам подходила. Было множество маршрутов, ведущих к огненным позициям. Подъехали, отстрелялись и ушли. Благодаря сваленным в кучу бетонным балкам, земляным насыпям, грудам кирпича, просто какого-то мусора звук двигателя будет рассеиваться, и фиг нас по нему отследишь. Время приближалось к 21 часу, я торопился доложить и вернуться к машине. Гурамишвили провел меня на КП, я отодвинул плащ-палатку, вошел... и замер.

В тусклом свете переноски я увидел лицо, мимо которого проходил каждый день три года. Ёлки зеленые, только теперь до меня дошло. Старший лейтенант Ольшанский. Герой Советского Союза. Это именно он и остатки его роты прикрывали отход неудавшегося десанта.

Их оставалось чуть меньше взвода, но они держались пять часов, что позволило эвакуировать всех, включая раненых. Всех, кроме них. Когда их отжали к самой воде, старший лейтенант вызвал огонь корабельной артиллерии на себя. Это были последние залпы десанта на Констанцу и последний салют героям.

Ольшанский глядел на меня с явным недоумением. Ага, я его понимаю. Вошел, руку к шлемофону на голове вскинул и застыл:

– Товарищ старший лейтенант, все в порядке. Маршруты присмотрел, огневые позиции тоже. Готовы к выполнению поставленной задачи.

– Добро. А что это вы, сержант, так застыли, будто приведение увидели?

– Виноват, товарищ старший лейтенант, очень у вас знакомое лицо оказалось. Никак не могу вспомнить, где я вас видел.

– Да? Ну, это к делу не относится. Рация у вас есть?

– Так точно.

– Вот наша частота, настройтесь и слушайте. Вдруг понадобится срочная помощь на одном из участков обороны.

– Есть!

Я вышел с КП, пытаюсь переварить происходящее. Это уже не просто что-то общее где-то в прошлом. Это конкретный человек, выпускник нашего училища. Срочную Константин Федорович служил как раз на Черноморском флоте. Потом его направили в наше училище, а после окончания вернули на ЧФ, но уже в морскую пехоту. Он погиб в феврале 1943 года... и я только что с ним разговаривал. С такими шуточками точно крыша поедет. Перед позициями разорвался снаряд. За ним второй, и я бросился к танку.

В люк влетел, как птица, даже сам не заметил. Подключился к внутреннему переговорному устройству:

– Экипаж к бою! Палыч, настрой рацию на эту волну.

Я не глядя сунул назад бумажку. Как настроить рацию, он уже знал. Сам спросил, пока стояли на старом месте. Сейчас я вел машину, выводя ее на позицию примерно в центре оборонительного рубежа. Начнем оттуда, потом будем перемещаться туда, где будет жарче. Жаль все-таки, что у меня нет механика-водителя. Буду скакать, как белка, между этой кабиной и главной башней. Не забывать бы ТПУ отсоединять-присоединять.

Бой продолжался третий час с небольшими перерывами. После артподготовки немцы как озверели. Они лезли и лезли, не обращая внимания на потери. Мы сожгли четверть заправки горючего, меняя позиции, а ведь расстояния тут – курам на смех. И меня все больше интересовал вопрос: откуда у фрицев столько танков? В третьей атаке, если считать с самого начала, их было с десяток. Определив, что слева против них действует «сорокапятка», они попытались наступать, сдвинувшись метров на пятьсот в сторону. Не тут-то было. Вместо нас саперов сейчас поддерживала полная противотанковая батарея 76-мм орудий.

А может, там уже и не саперы, огонь стал намного плотнее. Мы тоже времени не теряли. Сперва подожгли одного и «разули» еще двоих. В следующей атаке подбили еще троих. Мелочи вроде «Т-II» уже почти и не было, сплошь «тройки». Но и бронебойные снаряды таяли. Это понятно, чем темнее становится – тем чаще мы мажем. Если вначале атакующие немецкие танки хоть как-то выделялись на фоне неба, то теперь их подсвечивали только вспышки выстрелов и отсветы огня от уже подбитых машин. Это Иволга еще молодец, уверен, половина моих однокашников в подобной ситуации пуляла бы в белый свет, как в копеечку, в два раза чаще.

Во время четвертой атаки пришлось (к их радости) поработать и нашим башенным стрелкам. Немцы волной накатывались на правый фланг, и я погнал танк туда. Еще на подъезде дал команду:

– Пулеметчикам огонь без приказа!

Ну, они и оторвались – переднюю цепь наступающих выкосили подчистую. Потом мы перемещались еще трижды, в какой-то момент, помогая Иволге, мое место в башне занял Палыч. Изначально он только заряжал, но потом что-то сообразил и пару раз командовал: «Стоп!» Я делал короткую остановку, они делали несколько прицельных выстрелов, и мы продолжали движение. Если так дальше пойдет, Палыч в движении будет занимать место командира. Только надо объяснить ему, как пользоваться панорамой.

Танк, появившийся справа, сначала показался мне обычной «тройкой». Станным было то, что он вел огонь из пулеметов, но не использовал орудие, хотя выполз на прямой выстрел. Перед ним было укрепление, построенное из балок. То ли это шпалы, то ли бетонные столбы, непонятно. Но стояло оно удачно, а в нем находился станковый пулемет. Пулеметчик был опытный, и немцев перед ним было много. Мертвых. Здорово парень работает.

А тут танк выскочил прямо на него, но орудие молчит, только пулеметы огрызаются. На танк упал ответ от горящего собрата, и вдруг я понял. Этот странный ствол! Для 50-мм – слишком толстый. Для 75-мм – слишком длинный. Это не орудие, это огнемёт! Потому он и молчит, там дальность струи метров пятьдесят-шестьдесят.

– Иволга, справа. Скорее, это огнемётный танк, подойдет ближе – хана братве!

Башня рывком развернулась, и тут же грохнул выстрел. На месте башни «Т-III» вспух огненный шар. Ну, да, у него же емкости для огнесмеси вместо боеукладки. А на таком расстоянии наш снаряд его броню под любым углом пробивает влет. Собственно на этом доблестный Вермахт и сдулся. Жаль ненадолго.

Последнюю атаку я долго не забуду. К этому моменту стало гораздо светлее. Исключительно потому, что вокруг нас горело все, что могло гореть. Фрицы упорно лезли, и в конце концов им удалось ворваться на позиции. Началась рукопашная. В жизни это совсем не так, как в учебном фильме, на занятиях или даже на учениях. Тут все проще и страшнее. Главный прием – нанести удар раньше противника. В ход идет все: ножи, лопатки, приклады, каски, вообще любой предмет, попавшийся под руку.

Пулеметы смолкли, Мы с Иволгой продолжали бить из орудия попеременно, то по наползающим танкам, то по следующей волне пехоты. Как в этом грохоте Палыч услышал, что кто-то лезет на броню, я не знаю, но ведь услышал. А потом сержант, от которого я не слышал ни одного мата за все время нашего знакомства, так загнул в бога, душу и тринадцать апостолов, что я даже от боя отвлекся. А Палыч вытащил пистолет, сунул ствол в отверстие шаровой установки, оставшееся после извлечения кормового пулемета, и начал стрелять.

После четвертого выстрела довольно потряс пистолетом и выдал короткий монолог. В нем он объединил Гитлера, немцев и дьявола, соединив их в такой камасутре, что индусам даже не снилось. А потом сказал:

– Лез тут один. Еще ящик какой-то затащить пытался.

Я похолодел и начал отсоединять шлемофон. Пора перебираться на водительское место и отходить назад. Надеюсь, мы никого из своих не задавим, но дальше так нельзя. Этот фриц, видимо, сапер, а ящик – стандартный заряд взрывчатки. Хорошо, что в суматохе в нас просто противотанковую гранату не бросили, наверное, под рукой не оказалось. А ведь могли бы.

Мы отбились и на этот раз. Даже думать не берусь, сколько людей осталось в строю у Олышанского, но и немцы выдохлись. Атак больше не было. Мои орлы дрыхли прямо на своих сиденьях, а мы с Палычем оставались в наблюдении. Попутно я ему объяснял, что и как на командирском месте. Хотя кое-что он уже и сам сообразил. Потом дремали по очереди. Сиденья в танке для этого мало предназначены, но все равно нам лучше, чем морпехам. Они там наверняка позиции восстанавливают, так что им не до сна.

В пять утра мы с парнями выбрались наружу. Пока тихо, надо по-быстрому справиться естественные надобности. Потом ведь не до того будет. Еще хотелось подышать свежим воздухом, но не тут-то было. Эту кашу из тяжелых запахов воздухом вообще назвать сложно. Несло

гарью, кислятиной сгоревшего пороха, пылью, бензином. А еще к этому примешивался чуть сладковатый запах горелого мяса. И это явно не от походных кухонь. Надеюсь, это все же из сгоревших танков несет, а не с наших позиций.

Потом ребята вернулись в машину, подкрепиться. Оказывается, сухпай нам еще вчера вместе со снарядами принесли. Спасибо капитану, вспомнил, хотя, может, это вовсе и не он, а Артеменко. Короче говоря, три десятка бойцов, некоторые из которых тащили на себе какое-то тяжелое вооружение, увидел только я. Значит, к Ольшанскому подошло подкрепление. То, что они тащат, может быть станковыми пулеметами, а может и «АГ» – автоматическими гранатометами Таубина. Сила, однако.

О, только о нем подумал. Ко мне шел ротный в сопровождении Гурамишвили. Это, видимо, его ординарец, а может, связной.

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант.

– Здравствуй, сержант.

Черт, не помню, в сороковом уже ввели все эти: здравия желаю, так точно, никак нет? Или они появились позже? На таких мелочах и прокалываются сильно умные пришельцы вроде меня.

– Спасибо за помощь. Здорово вы немцев жгли, я видел.

– Служим трудовому народу. Среди ваших большие потери, товарищ старший лейтенант?

– Большие, сержант. Но ты сам видел, пополнение прислали, так что жить будем.

Ну, слава богу, сбился на «ты» все-таки. А то в боевой обстановке это выканье раздражает. В мирное время оно понятно, уважение, субординация и все прочее. Но в боевой обстановке, где иногда каждая секунда на вес золота, командир вполне может без этого обойтись. А в разгар боя и я могу обратиться просто «лейтенант» или «командир» без всяких там старших и товарищей.

– Скоро рассветет, немцы опять начнут. Снаряды у вас еще есть?

– Бронебойных – десять штук. Оскольно-фугасных пока достаточно.

– Я свяжусь, попрошу подбросить.

– Спасибо, товарищ старший лейтенант.

Я посмотрел в светлеющее небо. Ясно, чтоб его, а нам бы сейчас облачность не помешала. Ольшанский посмотрел туда же.

– Думаете, прилетят?

– Думаю да, товарищ старший лейтенант. Погода ясная, сил тут у немцев много, не может быть, чтобы их авиация бездействовала. Если исходить из истории.

Черт, да что это со мной. Опять ляпнул не подумав. О какой истории может идти речь? Это для меня история, а они тут живут, для них это сегодня, и никак иначе. И снова легкий прищур глубоко посаженных глаз. Но вопросов пока не задает.

– Я тоже думаю, что прилетят. Так что найдите место и постарайтесь замаскироваться.

Ольшанский ушел, а я вызвал экипаж наружу, и мы стали искать место, где можно замаскироваться. В конце концов нашли. Невдалеке росли два дерева. Когда-то их явно подстригали, так что они образовывали что-то вроде арки. Теперь по ним прошелся огонь, но стволы и ветки особо не пострадали. Вот под этими деревьями мы и встали. Пока прикидывали, чем притрусить получившуюся композицию, несколько краснофлотцев притащили масксеть.

Определять, где морпехи, а где приданные части, я уже научился. Тут просто: у моряков тельник в вырезе гимнастерок, а у остальных нет. Да, а сеть жалко. Накинули мы ее на сгоревшие ветки, издали смотрится нормально, из фона не выбивается. Но вот снять ее будет практически невозможно. Во всяком случае, в целом виде. Пока возились, к нам снова пришли. На этот раз принесли снаряды. Как и в прошлый раз – пять ящиков бронебойных. Кроме снарядов, передали бинокль для меня. Это капитан Горлов про нас не забыл.

В 9.00 показались немецкие самолеты. Их заметил находящийся в наблюдении Соловьев. С юго-запада приближались три группы по девять машин. Соловьев вернулся на свое место, а я сидел на башне в открытом люке и наблюдал в бинокль. Определить тип по силуэтам я не могу, но то, что это бомбардировщики, не сомневаюсь. А потом произошло то, чего я никак не ожидал. До наших позиций оставалось около километра, когда на немцев сверху свалились истребители. Наши истребители, я четко видел в бинокль звезды на крыльях.

Похоже, немцы тоже этого не ожидали. Во всяком случае, ничего, похожего на истребительное прикрытие, я не увидел. Бомбардировщики стали загораться один за другим. Прямо сказка, век бы смотрел. Уже через пять минут количество фрицев в воздухе сократилось на треть. Остальные стали отворачивать, сыпая бомбы куда придется. Надеюсь, хоть немного свалится их же частям на головы. А краснозвездные машины продолжали избиение. После каждого их захода бомберов становилось все меньше. В небе белели несколько десятков парашютов. А потом загрохотало, и на нас посыпались снаряды. Немцы начали артподготовку.

Едва обстрел начал стихать, мы выползли из укрытия и направились к месту первой огневой позиции. И вовремя, танки с крестами были уже близко. Едва остановившись, я перебрался на свое место в башне. Фрицев снова было десять, опять в строю были три легкие машины, но зато появилась одна «четверка». С нее мы и начали. Подпускать их близко не хотелось, а издали, как оказалось, пробить лобовую броню не так просто. На один-единственный «Т-IV», мы потратили три снаряда. При наших ограниченных возможностях – чрезвычайно много. Нельзя же ждать, что нам раз за разом будут подкидывать такие подарки, как сегодня. У Горлова своих забот хватает, вон как на его позициях гремит.

Батарею, которая поддерживала нас слева, действительно обрабатывали на полном серьезе. Там все еще вставали столбы разрывов, немцы продолжали артобстрел. Но вопреки всему артиллеристы работали. Пока мы долбили «четверку», они подожгли одного и подбили второго. Потерявший гусеницу «Т-III» намеревался продолжить бой в качестве неподвижной огневой точки, но его очень уж удобно развернуло к нам бортом. Иволга не промахнулся.

Немцы застряли в пятистах метрах от наших позиций, а потом повернули назад.

– Прекратить огонь!

Я сдвинул шлемофон на затылок и вытер мокрый лоб. Палыч снял мешок гильзоуловителя и открыл люк, чтобы его опустошить. В ответ снаружи громко чертыхнулись.

– Командир танка, ко мне!

Интересно, кто это там такой грозный? Я выплянул из люка. Снаружи стоял капитан в сопровождении автоматчика. Тельника в вырезе нет, значит, пехота. И откуда он тут взялся? А этот посмотрел на меня и снова повторил:

– Командир танка, ко мне!

Пришлось выбираться наружу.

– Командир экипажа сержант Яковлев.

– Товарищ сержант, почему не преследовали отступающего противника?

Он что, с ума сошел? Какое преследование? Одним танком преследовать шесть машин с пехотным сопровождением?

– Не понял, товарищ капитан.

– Капитан Баранчук, инструктор политотдела.

Интересно, интересно. Какого именно политотдела? Если 8-й бригады, то он должен быть из флотских. А раз нет, то из артиллеристов или минометчиков. Ну, да, на погонах пушки, значит, именно из них. А чего тогда раскомандовался?

– Повторяю вопрос: почему не преследовали отступающего противника?

– Одним танком?

– За вами поднялась бы пехота.

– Товарищ капитан, до противника – пятьсот метров. В сложившейся обстановке преследование ставит под угрозу танк и его экипаж.

– Товарищ сержант, вы учили боевой устав? Там есть пункт, позволяющий не идти вперед, поскольку это представляет угрозу?

– Никак нет, товарищ капитан, такого пункта нет.

– В таком случае ваша пассивность является проявлением трусости. Вам это понятно?

– Товарищ капитан, у меня приказ: оказывать огневую поддержку роте старшего лейтенанта Олышанского. Что я и делаю. В сложившейся ситуации контратаковать без согласования с ним – поставить выполнение приказа на грань срыва.

Позади капитана уже пару минут стоят три человека. Олышанский, Гурамишвили и еще один краснофлотец. Понятно, он увидел, что что-то происходит, и пришел разобраться. Теперь вот слушает.

– Товарищ сержант, ваши слова подтверждают мои предположения. Приказом вы прикрываете собственную трусость.

– Слова сержанта, товарищ капитан, подтверждают лишь то, что он хорошо разбирается в обстановке.

Капитан резко обернулся, оглядел старшего лейтенанта, но сказать ничего не успел.

– Старший лейтенант Олышанский. Командир 1-й роты 2-го батальона 8-й бригады морской пехоты.

– Капитан Баранчук, инструктор политотдела. Прикомандирован к частям артиллерийской поддержки.

– В таком случае, товарищ капитан, на каком основании вы отдаете приказы моим подчиненным? А тем более обвиняете сержанта, который находится в бою вторые сутки, в трусости?

Капитан посмотрел на старшего лейтенанта, потом на меня, и его тон изменился:

– Раз так, приношу свои извинения. Вероятно, как вы сказали, я не разобрался в обстановке.

– Добро. Товарищ капитан, вы к нам по делу?

– Да. Прибыл для проведения политработы в подразделении.

– Это хорошо, мой комиссар ранен. Тогда пройдемте на мой командный пункт. Он же по совместительству передовой наблюдательный.

Да, я же хотел про самолеты спросить.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите вопрос?

– Что, сержант?

– Наши истребители. Откуда?

На лице Олышанского появилась улыбка.

– Удалось захватить аэродром Мамайя. Вчера на него перебазировались истребители.

Ротный кивнул мне и развернулся, чтобы идти назад. Капитан тоже кивнул, но его взгляд мне не понравился. Гаденький какой-то. Чувствую, он мне этого афронта не забудет. Но кроме этого – ничего конкретного. Командиры ушли, а я вернулся в машину. Пока есть время – решили подкрепиться. Потом по очереди вышли «до ветру». А потом снова началось. Но на этот раз явно гремело не только у нас. Немцы начали контратаковать и с запада, со стороны Меджия.

Мы опять носились с места на место. Горючего оставалось уже меньше половины заправки, если так дальше пойдет, к ночи мы встанем. Наш боевой счет увеличился только на одну машину, танков на этот раз было немного. Пехота лезла вперед под прикрытием артиллерии. Снова налетала авиация и снова безуспешно. Истребительное прикрытие фрицам помогло мало, все равно их завернули. Разве что сбитых было меньше. А грозный Вермахт шуганули так, что только пятки сверкали. То, что я видел утром, действительно было тяжелым вооруже-

нием. Теперь у роты Ольшанского были и тяжелые 12,7-мм пулеметы, и автоматические гранатометы тоже. Ближе пятисот метров немцы опять подойти не смогли.

Потом мы отдыхали целых три часа. Сначала немцы приходили в себя. Потом им передал привет линкор «Севастополь». Крепкий такой привет из всех башен. Пришлось им опять приходиться в себя и перегруппировываться. В очередную атаку снова пошли танки. И на этот раз много. Я насчитал двадцать четыре штуки. Немецкая артиллерия долбила практически до тех пор, пока танки не подошли метров на четыреста. Били и по нам, и по батарее Горлова. Напрасно старались. Потеряв девять машин, отошли. На нашем счету только три, остальных приговорили пушки. Ох, молодцы парни! Под таким огнем и так отработать – класс!

Потом была еще одна атака, и еще одна. Снарядов становилось все меньше, горючего тоже. По ходу боя в нас попали трижды. Два раза просто стукнуло по броне. На третий прилетело так, что в голове загудело. Меня швырнуло вбок, чуть левый фрикцион не сломал, мы в этот момент меняли позицию. Палыч приложился об тело орудия с такой силой, что прокусил язык. Иволгу скинуло с сиденья, и он ушиб плечо. Пулеметчикам было немного легче исключительно потому, что в малых башнях тесно, лететь некуда. Зато обошлось без пробытия. Я потом глянул, вмятина на башне получилась знатная. Под вечер немцы выдохлись. Еще немного постреляли, но уже без души, для галочки. Мы успели и перекусить, и доложить по радиации о плачевном состоянии с горючим и снарядами. А потом я заснул. Присел у стенки боевого отделения и отключился.

И увидел сон. Тот самый, из детства. В детдоме мне приходилось чуть легче, чем остальным. В том смысле, что сон мне снился всегда один и тот же. И случалось это нечасто. Так что исследователи меня не очень дергали. Во сне группа морпехов вела бой на позициях, перекрывающих шоссе. Сны нам снились немые, то есть звука в них не было, только картинка. Но зато во всех подробностях. До последней царапины на оружии и летящих брызг крови из разорванных тел.

Так вот, во сне моряки были вооружены только винтовками. Причем в основном старыми, я такие видел только в Музее революции. «Трехлинейка» называется. Еще у некоторых были первые варианты автоматических карабинов Симонова. Ни автоматов, ни гранатометов, ни артиллерии – ничего такого. А против них были немцы с танками и «ганомагами». И те и другие ничем не отличаются от тех, которые я видел здесь.

Бой был тяжелый, бойцы гибли один за другим, удерживая дорогу. Несмотря на потери, моряки стояли твердо. На моих глазах были подбиты два танка, немцы раз за разом, неся потери, откатывались назад. Что это была за дорога, я так никогда и не узнал. Только помню, что слева было море. А потом я заметил то, чего раньше не замечал, а может, просто успел забыть. Командир в черном морском кителе, с кобурой пистолета на ремешках писал донесение. И в нем была дата. 10 сентября 1942 года. Это получается – сегодня? От этой мысли я и проснулся. А еще от того, что кто-то тряс меня за плечо.

Глава 5

Надо мной стоял Палыч. Я посмотрел на часы. Ничего себе прикемарил, уже полшестого утра. Укоризненно посмотрел на сержанта. Тот пожал плечами.

– Ты, командир, двое суток не спал. Вчерашний час дремы не в счет, но это к слову. Я сейчас ребят разбуджу, а то к нам целая толпа офицеров идет. Здешний старший лейтенант, с ним еще два лейтенанта и тот вчерашний капитан.

Ясно, вот чувствовал, что этот козел, хоть он и Баранчук, так просто не отстанет. Потер лицо ладонями и откинул крышку люка. Пока выбирался на броню и спрыгивал вниз, группа подошла к танку. Так, Ольшанский хмурится, ему происходящее совершенно точно не по душе. Лейтенанты просто в приподнятом настроении, а вот Баранчук прямо сияет. Точно пакость устроил. За офицерами идут двое бойцов. Ну, разумеется, Гурамишвили и тот, который вчера сопровождал капитана.

Я вскинул руку к виску, а сам разглядывал лейтенантов. Интересно. Один наш, из морской пехоты. Фуражка с крабом, тельняшка в вырезе камуфляжного комбеза. И очень характерный ожог на щеке. Танкист? Второй с пушками на погонах... и с обожженными руками. Еще один? Я так понимаю, что мне привели командира экипажа? А другой тогда кто? Да, ладно, сейчас все выяснится. Разговор начал, что характерно, Баранчук. Вежливо так, можно сказать, ласково:

- Доброе утро.
- Здравия желаю.
- Товарищ сержант, постройте экипаж.
- Есть.
- Экипаж, к машине.

За спиной простучали по броне сапоги. Капитан улыбался, как кот, наевшийся сметаны.

– Товарищи краснофлотцы, командование высоко оценивает ваши действия в период боев. Однако, учитывая, что никто из вас ранее не служил в танковых частях РККА, ваш экипаж решено укрепить. Знакомьтесь. Новый командир танка – лейтенант Морозов. Танковый техник, он же водитель – лейтенант Шевельков. Оба они опытные танкисты, воевали с первых дней войны. Были ранены, после излечения оказались у нас. Есть вопросы?

Вопросы были. Не совсем по теме и не к этому... баранчику, но задам я их позже Ольшанскому. А пока из-за спины спросил Иволгин:

- А командир?

И тут капитан просто засиял, аки солнышко:

– У товарища Яковлева никаких документов, к сожалению, нет. Поэтому до выяснения краснофлотец Яковлев направляется для прохождения службы в роту старшего лейтенанта Ольшанского. Краснофлотец Яковлев!

- Я!
- Сдайте шлем и отправляйтесь в расположение роты.
- Есть.

Я стянул с головы шлемофон. Иволгин взял его у меня из рук и полез в машину. Обратно выбрался с моим «МР-40» и ранцем в руках. Капитан открыл рот, но поймал взгляд моего нового командира и промолчал. Зато Ольшанский нет:

– Товарищ капитан, приказ командования вы выполнили, прошу вернуться в свое расположение.

Улыбка Баранчука несколько притухла, но возражать он не решился, козырнул и ушел. Его ординарец отправился следом.

– Сержант, на прощание с товарищами могу выделить только пять минут. Я пока с лейтенантами побеседую.

А как прощаются на войне? Пожали друг другу руки, парни быстренько написали мне номера полевой почты и на всякий случай домашние адреса. Вот и все прощание.

– Гурамишвили, проводи сержанта к Филину. Пусть выдаст новое обмундирование и все, что положено.

Всю дорогу мой сопровождающий ругался, большей частью по-грузински. Оказывается, этот капитан после нашей первой встречи некоторое время провел в роте. Проявил себя неплохо, во время боя находился на позициях, труса не праздновал, подбадривал бойцов. Даже заменил первого номера у пулемета, пока того перевязывали. Ольшанский даже благодарность ему объявил. А сегодня в пять утра появился на КП – ПНП с этими двумя лейтенантами.

Оказывается, вернувшись в штаб, прочно обосновавшийся в здании казино, капитан развил бурную деятельность. Доложил о танке, посетовал, что его можно использовать гораздо эффективнее, но экипаж неполон и танкистов в нем нет совсем. Интересовался мной, но поскольку я, после того как дважды тонул, «многого не помню», ничего конкретного выяснить не смог. Вот и придумал понизить меня в звании именно на этом основании – нет никаких данных.

Так за разговорами мы добрались до старшины роты. Точнее, не старшины, того еще в самом начале ранило, а до Филина. Вот кому фамилия подходит. Не толстый, но как будто раздувшийся. Короткая шея, глаза чуть навывкате, оттопыренные уши. Филин не филин, но сова – однозначно. При всем этом мужик обладал каллиграфическим почерком и числился писарем и помощником старшины. Вот он теперь и заправлял всем хозяйством.

Распоряжения насчет меня он, похоже, получил заранее. Мне сразу выдали черные брюки и китель, а также камуфляжный комбез, вроде того, который был на лейтенанте Морозове. Кстати, черного берета еще нет, так что бескозырка. Выдали нормальный ранец вместо фрицевского, с уважением глядя на гранаты с длинной ручкой, которые я перекладывал из одного в другой. Выдали пару «лимонок» «Ф-1», в дополнение к моим трофеям. Выдали нож, сухой паек, запасные портянки, потом еще одни, когда я показал, что у меня намотано на ноги. Через тридцать минут я был похож на нормального бойца. Кроме всего прочего, мне выдали погонны уже с сержантскими лычками. Надеюсь, мне командир объяснит, в чем прикол, меня же на его глазах разжаловали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.